

И НЕ ОСТАЛОСЬ НИКОГО

Фантастическая повесть

Диаметр космического крейсера был восемьсот футов, длина — немногим больше мили. Растянулся он через все поле, прихватив половину соседнего. Земля осела под его тяжестью футов на двадцать.

Две тысячи людей на борту четко делились на три группы. Высокие, подтянутые, с прищуренными глазами — экипаж. Коротко стриженные, с тяжелыми челюстями — десантники. И наконец, лысеющие, близорукие, с невыразительными лицами — штатские чиновники.

Экипаж разглядывал этот мир с профессиональным, но безразличным интересом людей, привыкших окидывать планету быстрым цепким взглядом, прежде чем устремиться к другой. Солдаты взирали на него со смесью грубоватого презрения и скуки. Чиновники — с холодным властным выражением.

Эти люди привыкли к новым мирам, посетили десятки их и ничего необычного не испытывали. Освоение новой планеты, как и предыдущих, было всего лишь повторением хорошо отработанной, четко выполняемой программы. Но на этот раз они здорово влипли, хотя еще не знали об этом.

С корабля высаживались в строго установленном порядке. Первым — имперский посол. За ним — капитан крейсера, командир десантного подразделения, старший гражданский чиновник.

Ну и потом, разумеется, сошка помельче, но в том же порядке: личный секретарь его превосходительства, старший помощник капитана, заместитель командира десантников и канцелярские крысы соответствующего ранга.

И так ступень за ступенью, исключая самых низших: парикмахера его превосходительства, чистильщика сапог и слуги, рядовых и нескольких канцелярских служек, взятых временно и мечтающих о постоянном месте. Это сборище несчастных оставалось на борту для уборки корабля под приказом воздерживаться от курения.

Будь планета неизвестной и враждебной, высадка проходила бы в обратном порядке, выполняя библейские предска-

ния о том, что последние будут первыми, а первые будут последними. Но неизвестной эта планета была только формально, потому что давно уже числилась в пыльных гроссбухах и папках в двухстах с лишним световых года отсюда как поспевший для сбора плод. Задержка объяснялась только сверхобилием других переспевших плодов.

Согласно архивным данным планета лежала на самой дальней границе гигантского скопища миров, заселенных во время Великого Взрыва — переселенческой лихорадки, охватившей Терру, когда двигатель Блидера практически преподнес ей космос на блюдечке.

В те времена каждая семья, клан или племя, решившие поискать счастья, выходили на звездные тропы. Мятащиеся, честолюбивые, недовольные, эксцентричные, антиобщественные, непоседливые и просто любопытные срывались с места десятками, сотнями, тысячами.

Около двухсот тысяч бывших жителей Терры обосновались лет триста тому назад на этой планете. Как обычно и случается, процентов на девяносто поселенцы были знакомыми, родичами или друзьями пионеров, людьми, решившими последовать примеру дяди Эдди или доброго старого Джо.

Если с тех пор они раз в шесть или семь размножились, то к настоящему времени их здесь было несколько миллионов. А то, что они размножились, стало ясным еще при подходе к планете: больших городов не наблюдалось, но обнаружилось изрядное количество мелких городков и деревень.

Его превосходительство одобрительно глянул на дерн под ногами, наклонился и ворча выдернул травинку.

— Трава-то как у нас на Терре, капитан? Это что, совпадение или они завезли с собой семена?

— Совпадение, наверное, — высказал свое мнение капитан Грейдер. — Я уже бывал на четырех травяносных планетах. Есть, наверное, и другие, где трава растет.

— Да, вероятно. — Его превосходительство осмотрелся вокруг с хозяйственной гордостью. — Похоже, там кто-то пашет землю. Маленький двигатель, два широких колеса. Неужели они такие отсталые? — Он потер пару подбородков. — Приведите его сюда. Побеседуем, выясним, с чего лучше начинать.

— Есть. — Капитан Грейдер повернулся к полковнику Шелтону, командиру десанта: — Его превосходительство желает говорить с фермером. — Он показал на далекую фигуру.

— Вот тот фермер, — сказал Шелтон майору Хейму. — Его превосходительство требует фермера немедленно.

— Доставить фермера сюда, — приказал Хейм лейтенанту Дикону. — Быстро.

— Взять этого фермера, — сказал Дикон старшему сержанту Бидворси. — Да поживее. Его превосходительство ждет.

Старший сержант, огромный краснолицый человек, искал взглядом кого-нибудь рангом пониже, но вспомнил, что

все низшие чины убирают сейчас корабль под запретом курить. Миссия, видимо, выпала ему.

Бухая башмаками по полю и подбежав на расстояние окрика к указанному объекту, он продемонстрировал образцовую строевую стойку, испустил казарменным басом вопль: «Эй ты, здорово!» — и призывно замахал руками.

Фермер остановился, вытер пот со лба, оглянулся. По его поведению было похоже, что громада крейсера для него не более чем мираж. Бидворси опять замахал, делая весьма повелительные жесты. Фермер спокойно помахал в ответ и продолжал пахать.

Бидворси выругался и подошел поближе. Теперь ему было хорошо видно обветренное лицо фермера и его густые брови.

— Здорово!

Снова остановив плуг, фермер оперся на него, ковыряя в зубах.

Осененный мыслью, что за последние три года века старый земной язык мог уступить место какому-нибудь местному наречию, сержант спросил:

— Ты меня понимаешь?

— А может один человек понять другого? — осведомился фермер на чистейшем земном языке и повернулся, чтобы продолжать работу.

Бидворси несколько растерялся, но, придя в себя, торопливо сообщил:

— Его превосходительство имперский посол желает говорить с тобой.

— Ну? — Фермер окинул его задумчивым взглядом. — А чем это он превосходитен?

— Он особа значительной важности, — заявил Бидворси, который никак не мог решить, издевается ли этот тип над ним или был тем, что принято называть «характером».

— Значительной важности, — повторил фермер, переводя взор на горизонт. Он, видимо, пытался понять смысл, вкладываемый чужаком в эти слова. Подумав немного, он спросил: — Что случится с твоим родным миром, когда эта особа умрет?

— Ничего, — признал Бидворси.

— Все будет идти как прежде?

— Конечно.

— В таком случае, — заявил фермер решительно, — нечего его считать важной особой. — С этими его словами моторчик загудел, колеса закрутились, и плуг начал пахать.

Вонзая ногти в ладони, Бидворси с полминуты вбирал в себя кислород, прежде чем сумел выдать хрипло:

— Я не могу вернуться к его превосходительству без ответа.

— Да ну? — Голос фермера звучал недоверчиво. — Что же тебя держит? — Потом, заметив опасное увеличение интенсивности окраски лица Бидворси, добавил сочувственно: — Ну ладно, передай ему, что я сказал. — Он запнулся и добавил: — Благослови тебя боже и прощай!

Старший сержант Бидворси, мощный человек весом в двести двадцать фунтов, носился по космосу уже два де-

сятка лет и ничего не боялся. В жизни на его голове и волосок не дрогнул, но сейчас, когда он вернулся к кораблю, его била дрожь.

Его превосходительство уставился на Бидворси холодным взором и требовательно спросил:

— Итак?

— Не идет. — У Бидворси на лбу жилы выступили. — Его бы в мою роту, сэр, на пару месяцев. Я б его так обтесал, что он скакал бы галопом.

— Я в этом не сомневаюсь, старший сержант, — утешил его превосходительство. И шепнул полковнику Шелтону: — Он хороший парень, но не дипломат. Слишком резок и голосом груб. Идите лучше вы сами и приведите этого фермера. Не сидеть же нам вечно и ждать, пока найдем, с чего начать.

— Есть, ваше превосходительство. — Полковник Шелтон двинулся через поле и поравнялся с плугом. Любезно улыбаясь, он сказал: — Доброе утро, дорогой мой.

Остановив плуг, фермер вздохнул, как бы покоряясь судьбе, которая иногда приносит и неприятные моменты, повернулся к пришельцу, глаза его были темно-карими, почти черными.

— А чем это я вам дорог? — поинтересовался он.

— Это просто выражение такое, — объяснил Шелтон. Теперь он понял, в чем дело. Повезло Бидворси, наткнулся на раздражительного типа. Вот и сцепились. Шелтон продолжал: — Я просто старался быть вежливым.

— Что ж, — рассудительно заметил фермер. — Я думаю, что ради такого дела стоит постараться.

Несколько порозовев, Шелтон решительно продолжал:

— Мне приказано просить вас почтить своим присутствием наш корабль.

— Думаете, на корабле будут почтены моим присутствием?

— Я уверен в этом, — ответил Шелтон.

— Врете, — сказал фермер.

Побагровев, полковник Шелтон отрезал:

— Я никому не позволяю называть меня лжецом.

— Только что позволили, — отметил его собеседник.

Пропустив это мимо ушей, Шелтон продолжал настаивать:

— Пойдете вы на корабль или нет?

— Нет.

— Почему?

— Зассд, — сказал фермер.

— Что?!

— Зассд, — повторил фермер.

От этого словечка попахивало чем-то оскорбительным.

Полковник Шелтон отправился обратно.

— Строит кого-то из себя, — сказал он послу. — Все, чего я добился, в конце концов, было «зассд», что бы оно ни значило.

— Местный жаргон, — вмешался капитан Грейдер, — за три-четыре столетия развивается со страшной силой. Выдывал я парочку планет, где жаргон так распространился, что практически приходилось учить новый язык.

— Вашу речь он понимал? — спросил посол, глядя на полковника.

— Так точно, ваше превосходительство. И сам говорил чисто. Но никак не соглашался прекратить пахать. — Подумав немного, он добавил: — Если бы решение вопроса предоставили на мое усмотрение, я бы его доставил сюда силой под вооруженным конвоем.

— Чем, конечно, поощрили бы его дать ценную информацию, — прокомментировал посол с нескрываемым сарказмом. Он погладил себя по животу, расправил пиджак, взглянул на свои начищенные туфли. — Ничего не остается, кроме как пойти самому с ним побеседовать.

Полковник Шелтон был шокирован:

— Ваше превосходительство, но вам не следует этого делать!

— Почему не следует?

— Идти самому не подобает вашему званию!

— Я отдаю себе в этом отчет, — сухо ответил посол. — Вы можете предложить что-либо другое?

— Мы можем выслать поисковую группу найти кого-нибудь поговорчивее.

— И потолковее, — высказался капитан Грейдер. — От этого деревенского лапотника мы все равно много не узнаем. Я сомневаюсь, известна ли ему хоть толика сведений, которые нам нужны.

— Хорошо. — Его превосходительство оставил мысль об экспедиции собственными силами. — Организуйте группу и давайте, наконец, добьемся каких-нибудь результатов.

— Поисковая группа, — сказал полковник Шелтон майору Хейму. — Выделить немедленно.

— Назначить поисковую группу, — приказал Хейм лейтенанту Дикону. — Сейчас же.

— Поисковую группу вперед, старший сержант, — распорядился Дикон.

Бидворси подошел к кораблю, вскарабкался по трапу, сунул голову в люк и прорычал:

— Отделение сержанта Глида, на выход, да поживей!

Он с подозрением принялся и пролез дальше в люк. Голос его набрал еще несколько децибел:

— Кто курил? Клянусь Черным Мешком, если поймаю...

С поля доносился звук работающего двигателя и шуршание толстых шин. Рывкнула команда — две шеренги по восемь человек развернулись и зашагали по направлению к носу корабля. Солдаты ступали в ногу, брэнчала амуниция, и сверкало на пряжках оранжевое солнце.

Сержанту Глиду не пришлось вести своих людей далеко. Промаршировав ярдов сто, он заметил справа от себя идущего через поле человека. Не обращая абсолютно никакого внимания на корабль, тот шел к фермеру, продолжавшему пахать.

— Отделение, напра-во! — завопил Глид. Дав своим людям обойти путника, он командовал им: — Кругом! — сопровождая команду выразительным жестом.

Ускорив шаг, отделение разомкнуло строй, образуя две

шеренги, марширующие по обеим сторонам одинокого пешехода. Игнорируя этот неожиданный эскорт, пешеход продолжал идти своей дорогой, убежденный, видимо, в том, что все происходящее не более чем мираж.

— Нале-во! — заорал Глид, пытаясь направить всю эту компанию в сторону посла.

Молниеносно выполнив команду, двойная шеренга развернулась налево, демонстрируя образцовый воинский маневр. Одно лишь нарушило его безупречность: человек посредине продолжал идти своим путем и непринужденно проскользнул между четвертым и пятым номерами правой шеренги.

Глида это расстроило, тем паче что за отсутствием другого приказа отделение продолжало маршировать по направлению к послу. На глазах его превосходительства происходила недостойная армии сцена: конвой тупо чеканил шаг в одну сторону, а пленник беззаботно шел себе в другую. У полковника Шелтона найдется много чего сказать по этому поводу, а если он что и упустит, то Бидворси припомнит уж наверняка.

— Отделение! — завопил Глид, негодуяще тыча пальцем в сторону беглеца, причем все уставные команды мгновенно всколыхнулись из его головы. — Взять этого хмыря!

Разомкнув строй, солдаты окружили путника так плотно, что он не мог двигаться дальше. Поэтому он застыл на месте.

Глид подошел к нему и сказал, несколько запыхавшись:

— Слушай, с тобой всего-навсего хочет поговорить наш посол.

Абориген ничего не ответил, лишь уставился на него мягкими голубыми глазами. Тип он был весьма забавный, давно небритый, рыжие баки, окаймлявшие лицо, торчали во все стороны. И вообще он был похож на подсолнух.

— Пойдешь ты к его превосходительству? — стоял на своем Глид.

— Не-а, — туземец кивнул в сторону фермера. — Я иду поговорить с Заком.

— Сначала с послом, — твердо ответил Глид. — Он — фигура.

— Я в этом не сомневаюсь, — заметил «подсолнух».

— Ты у нас большой умник, да? — сказал Глид, состроив отвратительную физиономию и приблизив ее к лицу собеседника. — А ну, ребята, тащи его. Мы ему покажем.

«Большой умник» сел на землю. Сделал он это очень основательно, приняв вид статуи, прикованной к этому месту на веки вечные. Рыжие баки, правда, особого благородства ситуации не придавали. Но сержанту Глиду иметь дело с такими сидунами было не впервой. С той только разницей, что этот был абсолютно трезв.

— Поднять его и нести, — приказал Глид.

Солдаты подняли его и понесли, ногами вперед, баками назад.

Не сопротивляясь и расслабившись, абориген повис в их руках мертвым грузом. В такой неблагоприятной позе он и предстал перед послом.

Как только его поставили на ноги, он сразу же устремился в сторону Зака.

— Задержать его, чтоб вас... — заорал Глид.

Солдаты скрутили туземца. Его превосходительство оглядел аборигена с хорошо воспитанным умением скрывать неудовольствие, деликатно кашлянул и заговорил:

— Я искренне сожалею, что вам пришлось прибыть ко мне подобным образом.

— В таком случае, — предложил пленник, — вы могли бы избежать душевной муки, просто не позволив этому произойти.

— Другого выхода не было. Нам надо как-то установить контакт.

— Не понимаю, — ответили «рыжие баки», — почему именно сейчас?

— Сейчас? — Его превосходительство нахмурился от растерянности. — При чем здесь это?

— Так я об этом и спрашиваю.

— Вы понимаете, о чем он говорит? — обернулся посол к полковнику Шелтону.

— Позвольте высказать предположение, ваше превосходительство. Я думаю, что он имеет в виду следующее: если мы

Рисунки Ю. МАКАРОВА

оставили их без контактов с нами более чем на триста лет, то нет особой спешки в том, чтобы устанавливать контакт именно сегодня. — Он обернулся к «подсолнуху» за подтверждением.

Эта достойная личность подтвердила правильность его логики следующим образом:

— Для недоумка вы соображаете не так уж плохо.

Не говоря уже о Шелтоне, это было слишком для багровеющего поблизости Бидворси. Грудь его раздувалась, глаза извергали огонь, с командным металлом в голосе он рявкнул:

— Не смей проявлять непочтительность, обращаясь к старшим офицерам!

Мягкие голубые глаза пленника обратились на него в детском изумлении, медленно изучая с головы до ног. Потом они вернулись к послу.

— Что это за нелепая личность?

Нетерпеливо отмахнувшись от вопроса, посол сказал:

— Послушайте, в наши намерения не входит беспокоить вас из чистого своеволия, как вы, кажется, склонны думать. Никто не намерен задерживать вас более чем необходимо. Все мы...

Подергивая себя за бородку, что придавало его поведению особое нахальство, туземец перебил посла:

— А решать, что необходимо, будете, разумеется, вы?

— Напротив, решение будет предоставлено вам, — ответил посол, демонстрируя достойное восхищения самообладание. — Все, что от вас требуется, — это сказать...

— В таком случае я уже решил, — опять перебил его пленник и попытался сбросить с себя руки конвоиров. — Дайте мне наконец пойти поговорить с Заком.

— Все, что от вас требуется, — стоял на своем посол, — это сказать нам, где мы можем найти представителя местной администрации, который нас свяжет с центральным правительством. — Слова эти сопровождалось строгим начальственным взглядом. — Ну, например, укажите, где находится ближайший полицейский участок.

— Зассд, — ответил туземец.

— Сам зассд, — ответил посол, терпение которого начало иссякать.

— Именно этого я и добиваюсь, — загадочно заверил его пленник. — Только вы мне все время мешаете.

— Если можно внести предложение, ваше превосходительство, — вмешался полковник Шелтон, — позвольте мне...

— Никаких предложений мне не требуется, и я вам не позволю, — неожиданно грубо ответил посол. — Хватит с меня этого шутовства. Мы, наверное, приземлились в зоне для умалишенных, нужно это понять и без задержки покинуть ее.

— Вот теперь вы говорите дело, — одобрили «рыжие баки». — И чем дальше уберетесь, тем лучше.

— Я отнюдь не намерен покидать планету, если именно такая мысль пришла в вашу неразумную голову, — с глубоким сарказмом заверил его посол. Он по-хозяйски топнул ногой. — Эта планета — часть нашей Империи. И как таковая она будет зарегистрирована, изучена и реорганизована. Корабль лишь переместится в другой район, где люди лучше соображают. — Он сделал жест конвоирам. — Отпустите его. Он, без сомнения, спешит одолжить у кого-нибудь бритву.

Туземец, не сказав ни слова, сразу же направился к фермеру, как будто был намагниченной стрелкой компаса, непреодолимо притягиваемой к Заку. На лицах наблюдавших за ним Глида и Бидворси вырисовались отвращение и разочарование.

— Немедленно готовить корабль к перелету, — приказал посол капитану Грейдеру. — Сядем у какого-нибудь приличного городка, а не в глуши, где эта деревенщина принимает пришельцев из космоса за цыганский табор.

С важным видом он поднялся по трапу. За ним капитан Грейдер, за ним полковник Шелтон, за ним в должном порядке все остальные чины. Последними поднялись люди сержанта Глида.

Убрали трап. Задраили люк. Несмотря на огромную мас-

су, корабль взлетел без оглушительного шума и языков пламени.

Тишину нарушали лишь звук работающего плуга и голоса двух человек, разговаривающих подле него. Ни один из них не удосужился даже повернуться, чтобы проводить корабль взглядом.

— Семь фунтов первосортного табака — это очень много за ящик бренди, — протестовали «рыжие баки».

— За мой бренди это еще мало, — отвечал Зак.

На этот раз корабль приземлился на широкой равнине в миле севернее городка, населенного на первый взгляд двенадцатью-пятнадцатью тысячами жителей. Капитан Грейдер предпочел бы перед посадкой произвести обстоятельную разведку с низких высот, но тяжелым космическим крейсером не маневрируешь, как атомосферной посудиною. На таком расстоянии от поверхности корабль может пойти или на взлет, или на посадку, и ничего более.

Так что Грейдер прицелил свое судно в лучшее место для посадки, которое он мог выбрать в считанные секунды. Спустили трап и в прежнем порядке повторили церемонию высадки.

Его превосходительство бросил на городок оценивающий взгляд, дал окружающим отметить свое разочарование и сообщил:

— Что-то здесь не то. Вот город. Мы на виду у всех, и корабль торчит как стальная гора. Не менее тысячи людей видели, как мы идем на посадку, даже если остальные в это время занимались спиритизмом за спущенными шторами или дулись в карты в подвалах. И что же, взволнованы они?

— Похоже, нет, — признал полковник Шелтон.

— Я не спрашивал вас. Я указывал вам. Они не взволнованы. Они не удивлены. Им просто-напросто даже неинтересно. Да что же с ними такое?

— Должно быть, им не хватает любопытства, — предположил Шелтон.

— Может быть. А может, они просто боятся. Или все они чокнутые. Не одна планета была колонизирована всякими чудаками, которые искали свободы для своих чудачеств. Ежели психов триста лет никто не одергивал, то их отклонения превращаются в норму. Это да соответствующее воспитание из поколения в поколение могут создать весьма странных типов. Но мы их вылечим!

— Разумеется, ваше превосходительство, конечно.

Посол указал на юго-восток:

— Я вижу там дорогу. Она кажется широкой и хорошо мощенной. Послать туда поисковую группу. Если они не приведут никого, кто желал бы побеседовать, мы немного пождем и пошлем в город батальон.

— Группу, — повторил полковник Шелтон майору Хейму.

— Вызвать поисковую группу, — приказал Хейм лейтенанту Дикону.

— Выслать их опять, старший сержант, — сказал Дикон.

Бидворси выкликнул Глида и его людей, показал направ-

ление, обложил их парой выражений и приказал отправляться.

Глид маршировал во главе колонны. До дороги было не больше полумили, она углом выгибалась к городу. Левая шеренга, которой хорошо были видны городские окраины, жадно их рассматривала.

Объект появился, как только они дошли до шоссе. Он довольно быстро передвигался со стороны города на конструкции, отдаленно напоминающей мотоцикл. Два больших резиновых колеса приводились в действие чем-то вроде вентилятора в клетке. Глид расставил своих людей поперек шоссе.

Приближавшаяся машина вдруг испустила резкий, пронзительный звук, смутно напоминавший голос Бидворси при виде нечищенных сапог.

— Стоять по местам! — скомандовал Глид. — Кто сойдет с места — шкуру спущу.

Опять резкий сигнал. Никто не шелохнулся. Машина замедлила ход, подползла ближе и остановилась. Вентилятор продолжал вращаться на малых оборотах, можно было различить издающие тихое шипение лопасти.

— В чем дело? — осведомился водитель. Он был худ, лет за тридцать, носил в носу золотое кольцо, а волосы его были заплетены в косичку.

При виде его Глид заморгал от изумления, но все же собрался с силами, ткнул пальцем в сторону стальной горы и сказал:

— Корабль из космоса!

— Ну и что я, по-вашему, должен теперь делать?

— Сотрудничать, — ответил Глид, все еще ошарашенный косой. Ничего похожего ему раньше встречать не приходилось. И ее хозяин отнюдь не выглядел женоподобно. Скорее наоборот, коса придавала его лицу свирепое выражение.

— Сотрудничать, стало быть, — размышлял вслух туземец. — Что ж, красивое слово. И вам, разумеется, известно, что оно означает?

— Я не остолюп.

— Точная степень вашего идиотизма не является предметом обсуждения в настоящий момент, — ответил туземец. Кольцо в его носу чуть покачивалось, когда он говорил. — Сейчас предметом обсуждения является «сотрудничество». Сдается мне, вы сами всегда готовы сотрудничать?

— А то как же, — заверил его Глид. — И все другие тоже, если не хотят неприятностей.

— Давайте не будем уклоняться от темы, ладно? — Туземец прибавил вентилятору оборотов, потом снова замедлил его вращение. — Вам отдают приказы, и вы их выполняете?

— Конечно. Мне так всплывают, если...

— Это и есть то, что вы именуете «сотрудничеством»? — перебил Глида собеседник. Он пожал плечами и отрешенно вздохнул. — Ну что ж, всегда приятно проверить историков. Книжки ведь могли и ошибаться. — Вентилятор завертелся вовсю, и машина двинулась вперед. — Извините, пожалуйста.

Переднее резиновое колесо врезалось в двух солдат, от-

бросив их в стороны без какого-либо ущерба для их здоровья. Машина с воем рванулась вперед по дороге.

— Кретины чертовы! — вопил Глид, пока его солдаты поднимались и отряхивались. — Я вам приказал стоять по местам, как вы посмели его выпустить?

— А что было делать, сержант? — ответил один из них, бросив на Глида угрюмый взгляд.

— Заткнись! Надо было держать оружие наизготовку и прострелить ему шину. Никуда бы он тогда не делся.

— А вы нам не приказывали держать оружие наизготовку.

— Да и вообще, ваше-то где? — добавил кто-то из солдат.

Глид круто развернулся и прорычал:

— Кто это сказал? — Его разгневанные глаза обшарили длинный ряд безразличных, пустых лиц. Найти виновного было невозможно. — Ну ничего, всыплю я вам нарядов вне очереди, — пообещал Глид. — Я вам...

— Старший сержант идет, — предупредил один из солдат.

Подошел Бидворси, окинул отделение холодным, презрительным взглядом.

— Что здесь происходит?

Изложив вкратце обстановку, Глид закончил угрюмо:

— Он был похож на Чикасова, который владеет нефтяным колодезем.

— Что такое «Чикасова»? — потребовал объяснения Бидворси.

— Я про них читал где-то еще пацаном, — пояснил Глид, радуясь возможности блеснуть познаниями. — Они носили длинные прически, одеяла и разъезжали в автомобилях, отделанных золотом.

— Шиза какая-то, — сказал Бидворси. — Я плюнул на всю эту муру про волшебные ковры, когда мне было семь. К двенадцати я знал наизубок баллистику, а к четырнадцати — тыловое обеспечение. — Он громко фыркнул, окидывая собеседника ехидным взглядом. — Некоторые страдают, правда, замедленным развитием.

— Они действительно существовали, — стоял на своем Глид. — Они...

— И феи тоже, — отрезал Бидворси. — Мне о них мамочка рассказывала. А мамочка была хорошей женщиной и не врала. По крайней мере, часто. — Он сплюнул на дорогу. — Не будь младенцем! — И затем он окрысился на солдат: — Ну-ка, держать оружие как следует, если вы знаете, что это такое. Следующим, кто попадетса, я лично займусь.

Он присел на большой камень у дороги и вперил в город нстерпеливый взгляд. Глид примостился рядом, несколько раздетый. Полчаса прошло без каких-либо событий.

Один из солдат спросил:

— Закурить можно, старший сержант?

— Нет.

Все смотрели на город, сохраняя мрачное молчание, обливая губы и думая. Им было о чем подумать. Город, лю-

бой город, где живут люди, обладает многими привлекательными чертами, которых лишен космос: огнями компаний, свободой, смехом, всеми проявлениями жизни, по которым они изголодались.

Наконец из пригорода выехал большой экипаж и направился в их сторону. Длинная машина, битком набитая людьми, катилась на двадцати колесах (по десять с каждой стороны) и издавала такой же вой, как ее маленькая предшественница, но вентиляторов не было видно.

Когда она подошла ярдов на двести к заграждению на шоссе, из рупора, установленного под крышей, раздалось:

— С дороги, с дороги!

— Ага, — с удовлетворением пробурчал Бидворси, — целая орава катит к нам в руки. Или один из них заговорит, или я подам в отставку. — Он встал со своего камня и приготовился действовать.

— С дороги, с дороги!

— Стрелять по шинам, если они попытаются прорваться, — приказал Бидворси солдатам.

Делать этого не пришлось. Экипаж замедлил ход и остановился в ярде от цепи, водитель высунулся из кабины, а пассажиры, наоборот, отвернулись от окон.

Бидворси, решивший начать по-хорошему, подошел к водителю и сказал:

— Доброе утро.

— Чувство времени у вас ни к черту, — заметил водитель. Нос у него был перебит, уши похожи на цветную капусту, а на лице прямо-таки светилась любовь к температурным шоссейным гонкам. — Что бы вам не обзавестись часами?

— Как?

— Сейчас не утро. Сейчас поздний полдень.

— Ну да, ну да, — согласился Бидворси, выдавливая кривую улыбку. — Добрый день.

— Я-то в этом не уверен, — хмыкнул водитель, ковыряя в зубах. — Еще одним днем ближе к могиле.

— Может, оно и так, — согласился Бидворси, ничуть не задетый этим пессимизмом. — Но у меня других забот хватает, и я...

— Да, не стоит беспокоиться ни о прошедшем, ни о настоящем, — посоветовал водитель. — Впереди еще большие заботы.

— Да, наверное, — ответил Бидворси, чувствуя, что сейчас не время и не место для обсуждения теневых сторон бытия. — Но я предпочитаю решать свои проблемы в удобное мне время и удобным мне образом.

— Ни про одного человека нельзя сказать, что его проблемы — это только его проблемы. И время и методы тоже, — заявил этот боксерского вида оракул. — Разве не так?

— Я не знаю, да и наплевать мне, — ответил Бидворси, выдержка которого убывала по мере того, как поднималось давление. Он помнил, что за ним наблюдают Глид и солдаты. Наблюдают, слушают и, вполне возможно, посмеиваются над ним про себя. Да и пассажиры тоже.

— Я думаю, ты тянешь резину специально, чтобы меня задержать. Не выйдет. Посол ждет...

— И мы тоже, — подчеркнуто ответил водитель.

— Посол желает говорить с вами, — продолжал Бидворси, — и он будет говорить с вами!

— Я был бы последним человеком, если не дал бы ему говорить. У нас здесь свобода слова. Пусть выйдет и скажет, что хочет, чтобы мы могли наконец ехать по своим делам.

— Ты, — сообщил Бидворси, — пойдешь к нему. И вся твоя компания, — он показал на пассажиров, — тоже.

— Только не я, — сказал высунувшийся из бокового окна толстяк в очках с толстыми стеклами, за которыми его глаза были похожи на яйца всмятку. Более того, голову его украшала высокая шляпа в красную и белую полоску.

— И не я, — поддержал его водитель.

— Хорошо, — в голосе Бидворси прозвучала угроза. — Только попробуй сдвинуть с места свою птичью клетку, мы тебе сразу шины в клочья разделаем. Вылезай из машины!

— Вот еще! Мне и здесь уютно. А вы попробуйте меня вытащить.

Бидворси сделал знак шести солдатам, стоящим возле него.

— Слышали, что он сказал? А ну тащи его наружу!

Распахнув дверь кабины, они вцепились в водителя. Он и не пытался сопротивляться. Схватив его, они дернули все разом и наполовину вытащили податливое тело из кабины. Дальше вытянуть они не могли.

— Давай, давай! — понукал нетерпеливо Бидворси. — Покажем ему, что к чему. Не прирос же он там.

Один из солдат перелез через тело, разглядел кабину и сказал:

— Почти что.

— То есть как?

— Он прикован к рулевой колонке.

— Что? А ну дай посмотреть.

Нога водителя была прикована к рулевой колонке цепочкой и маленьким, но тяжелым и замысловатым замком.

— Где ключ?

— А ты меня обыщи, — заржал водитель.

Но обыск оказался тщетным. Ключа не было.

— У кого ключ?

— Засд.

— Сунуть его обратно в кабину, — приказал, свирепея, Бидворси. — Возьмем пассажиров. Что один болван, что другой, какая разница! — Он подошел к дверям и рывком распахнул их. — Вылезать, и живо!

Никто даже не пошевелился. Все молча изучали его, и выражения их лиц отнюдь не были ободряющими. Толстяк в полосатой шляпе уставился на него сардонически. Бидворси решил, что толстяк совсем не в его вкусе и что курс строгой армейской муштры мог бы помочь ему сохранить фигуру.

— Либо выйдете, — предложил Бидворси пассажирам, — либо поползете. Как вам больше нравится. Решайте сами.

— Если ты не можешь шевелить мозгами, то, по крайней мере, шевели глазами, — посоветовал толстяк. Он изменил позу, и это движение сопровождалось звяканьем металла.

Бидворси просунул голову в дверь. Потом залез в машину, прошел по салону и оглядел каждого пассажира. Когда он вышел обратно и заговорил с сержантом Глидом, багровая окраска его лица сменилась темно-серой.

— Они все прикованы. Все до одного. — Он посмотрел на водителя. — Что это за гениальная мысль всех приковать?

— Засд, — беззаботно ответил водитель.

— У кого ключи?

— Засд.

Глубоко вздохнув, Бидворси сказал, ни к кому не обращаясь:

— Пока этот болван сидит на водительском месте, мы не сможем подогнать машину к кораблю. Нужно найти ключи или достать инструменты и расковать их.

— Или сделать нам ручкой и пойти принять таблетку, — предложил водитель.

— Молчать! Даже если я застряну здесь на следующий миллион лет, я тебе...

— Полковник идет, — буркнул Глид, дергая Бидворси за рукав.

Подошедший полковник Шелтон медленно и церемонно прошествовал вокруг экипажа, изучая его конструкцию и пассажиров. Вид полосатой шляпы заставил его вздрогнуть. Потом он подошел к своим разъяренным подчиненным.

— В чем дело на этот раз, старший сержант?

— Опять психи, сэр. Порют чушь, говорят «зассд» и знать не хотят его превосходительство. Выходить отказываются, а вытащить мы их не можем, потому что каждый прикован к креслу.

— Прикован? — брови Шелтона поползли вверх. — За что?

— Не могу знать, сэр. Прикованы, как каторжники при транспортировке в тюрьму, и...

Шелтон отошел, не дослушав до конца. Осмотрев все сам, он вернулся обратно.

— Может быть, вы и правы, старший сержант. Но я не думаю, что это преступники.

— Нет, сэр.

— Нет. — Шелтон многозначительно посмотрел на красочный головной убор толстяка. — Они больше похожи на группу чокнутых, которых везут в дурдом. Спрошу-ка я водителя.

Подойдя к кабине, он сказал:

— Не будете ли вы против объяснить мне, куда вы едете?

— Да, — сухо ответил водитель.

— Итак, куда же?

— Слушайте, — сказал водитель, — мы с вами на одном языке говорим?

— Что?

— Вы спросили, не буду ли я против, и я сказал «да». Я очень даже против.

— Вы отказываетесь говорить?

— Ты делаешь успехи, сынок.

— Сынок? — вмешался Бидворси, дрожа от возмущения. — Да ты понимаешь, что говоришь с полковником?

— Предоставьте это мне, — успокоил старшего сержанта Шелтон. Взгляд его был холоден, когда он вновь посмотрел на водителя. — Следуйте дальше. Я сожалею, что мы задержали вас.

— Пусть это вас не беспокоит, — ответил водитель преувеличенно вежливо. — Когда-нибудь и я вам тем же отплачу.

С этим загадочным ответом он тронул машину с места. Солдаты расступились. Вой двигателей достиг верхней ноты, машина рванулась и исчезла вдали.

— Клянусь Черным Мешком, — выругался Бидворси, уставившись ей вслед, — на этой планете больше разгильдяев, отвыкших от дисциплины, чем на...

— Успокойтесь, старший сержант, — посоветовал Шелтон. — Я чувствую то же, что и вы, но забочусь о своих артериях. Даже если они раздуются, как морские водоросли, это вряд ли облегчит решение наших проблем.

— Должно быть, так, сэр, но...

— Мы столкнулись здесь с чем-то очень странным, — продолжал Шелтон. — И мы должны выяснить, с чем именно и что будет лучшим способом действий. Видимо, нужна новая тактика. Пока что мы ничего не добились, высылая поисковую группу. Только время зря теряем. Придется изыскать другой, более эффективный метод установления контакта с властями предержажными. Прикажете своим людям возвращаться на корабль, старший сержант.

— Есть, сэр. — Бидворси отдал честь, круто повернулся, щелкнул каблуками и открыл свою пещероподобную пасть:

— Отделение, направо!

* * *

Совещание затянулось на всю ночь до следующего утра. За эти наполненные спорами часы по шоссе проследовало много различных экипажей, в основном колесных, но ни один водитель не остановился, чтобы посмотреть на гигантский корабль, никто не подошел к нему, чтобы перекинуться с командой парочкой приветственных слов. Странные обитатели этого мира страдали, казалось, какой-то особой формой умственной слепоты: ничего не видели, пока вещь не совали им прямо под нос, но и тогда рассматривали ее искоса.

Пассажирами одного из грузовиков, промчавшихся мимо корабля ранним утром, были девушки в цветастых косынках. Девушки пели что-то вроде «Поцелуй меня на прощанье, дорогой». С полдюжины солдат завопили, замахали и зашвистели. Все зря. Пение не прервалось ни на секунду, и ни одна даже не подумала помахать в ответ.

Зато Бидворси, к еще большему унынию любвеобильных рядовых, показался из люка и рявкнул:

— Если вам, козлы вы такие, энергию девать некуда, я для вас работенку сыщу. Да погрязнее.

И окинул всех по очереди уничтожающим взглядом, прежде чем убраться.

За подковообразным столом в навигаторской командный состав продолжал обсуждение обстановки. По большей части присутствующие подчеркнута настоятельно повторяли, что уже говорили не раз, так как ничего нового сказать не могли.

— Вы уверены, — спросил посол капитана Грейдера, — что никто не посещал эту планету с тех пор, как триста лет назад на нее высадились поселенцы?

— Абсолютно уверен, ваше превосходительство. Любой такой рейс был бы зафиксирован.

— Если это был рейс земного корабля. Но ведь могли быть и другие. Меня не оставляет впечатление, что в истории этой планеты было что-то неприятное, связанное с пришельцами из космоса. Ее жители страдают аллергией к космическим кораблям. То ли их пытались оккупировать, то ли им пришлось отбиваться от налета космических пиратов. А может быть, они стали жертвой шайки мошенников торговцев.

— Абсолютно исключено, ваше превосходительство, —

заявил Грейдер. — Эмиграция распространилась на такое огромное количество миров, что и по сей день каждый из них недонаселен, только одну сотую из них можно считать развитыми, и ни на одном не научились еще строить космические корабли, даже самые элементарные. На некоторых планетах хотя и помнят, как их строят, но не обладают технической базой для строительства.

— Ну да, и я так всегда считал.

— Частных кораблей подобного радиуса действия просто не существует, — заверил Грейдер. — И космических пиратов тоже. По нынешним ценам кандидат в пираты должен быть миллиардером, чтобы обзавестись кораблем с двигателем Блидера.

— Тогда, — сказал посол веско, — нам придется вернуться к моей первоначальной теории, что из-за каких-то особых условий этой планеты и из-за специфичных форм воспитания все ее население свихнулось.

— Многие подтверждает это, — вставил полковник Шелтон. — Видели бы вы пассажиров в экипаже, который мы остановили на дороге. Один — типичный гробовщик, да еще в разных туфлях: коричневой и желтой. Другой — этакий пижон с лунообразной физиономией, в шляпе прямо как с вывески парикмахерской, да еще и полосатой к тому же. Ему только соломинки для мыльных пузырей не хватало, да и ту, наверное, дадут, когда доставят на место.

— А куда именно?

— Не могу знать, ваше превосходительство. Все они отказывались отвечать.

Окинув полковника ироническим взглядом, посол заметил:

— Это, безусловно, ценный вклад в информацию, которой мы располагаем. Мы обогащены сообщением, что неизвестный индивидуум, возможно, получит в подарок бесполезный предмет неизвестно для чего, когда этот индивидуум будет доставлен неизвестно куда.

Шелтон сник, искренне сожалел о том, что вообще по-встречался с тем импозантным толстяком.

— Есть же у них где-то столица, центр, резиденция правительства, — утвердительно заявил посол. — Чтобы принять управление планетой на себя и реорганизовать ее на нужный лад, мы должны этот центр найти. Столица должна быть большой. Маленькое заштатное поселение никогда не сделают столицей. У столицы всегда есть какие-то внешние признаки, придающие ей значимость. С воздуха ее будет легко заметить. Следует приступить к ее поискам, именно с этого вообще и следовало начинать. На других планетах найти столицу никогда не было проблемой. В чем же дело сейчас?

— Извольте взглянуть сами, ваше превосходительство. — Капитан Грейдер разложил на столе фотографии. — Это снимки обоих полушарий, сделанные при подходе к планете. Ни на одном не видно ничего похожего на большой город. Не видно даже ни одного городка, хотя бы чем-то отличающегося от других или чуть большего, чем другие.

— Не очень-то я верю снимкам, особенно сделанным

с большого расстояния. Невооруженным глазом увидишь больше. У нас на борту четыре шлюпки, с которых можно прочесать всю планету от полюса до полюса. Почему бы не воспользоваться ими?

— Потому, ваше превосходительство, что они не предназначены для подобных целей.

— Какое это имеет значение?

Грейдер терпеливо ответил:

— Наши ракетные шлюпки старого образца, предназначены для запуска с борта корабля в космосе и развивают скорость до сорока тысяч миль в час. Произвести толковый обзор планеты можно только со скоростью не выше четырехсот миль в час. Попытка маневрировать шлюпками с такой малой скоростью приведет к неэкономному расходу горючего, порче дюзов и неминуемой катастрофе.

— В таком случае на блидеровских кораблях давно пора иметь блидеровские шлюпки.

— Полностью с вами согласен, ваше превосходительство, но самая маленькая модель двигателя Блидера превышает триста тонн, для шлюпки это слишком много. — Грейдер собрал фотографии и положил их обратно в ящик. — Что нам действительно нужно, так это древний аэроплан с пропеллером. Он обладал преимуществом, которого мы лишены: мог медленно летать.

— Вы бы еще по велосипеду затосковали, — фыркнул посол за неимением лучшего аргумента.

— Велосипед как раз у нас есть, — доложил Грейдер. — У десятого инженера Гаррисона.

— И он привез его с собой?

— Он его повсюду с собой таскает. Поговаривают, что он даже спит с ним.

— Космонавт на велосипеде? — посол громко высморкался. — Я полагаю, он получает наслаждение от чувства огромной скорости, развиваемой этим видом транспорта, приходит в экстаз от гонки через космос.

— Не могу знать, ваше превосходительство.

— Вызвать сюда этого Гаррисона. Пошлем психа ловить психов.

Грейдер моргнул, подошел к микрофону и объявил:

— Десятому инженеру Гаррисону немедленно прибыть в навигаторскую.

Гаррисон прибыл через десять минут. Ему пришлось прошагать почти три четверти мили от двигателя. Это был худой человечек с темными обезьяньими глазками и с такими ушами, что при попутном ветре ему можно было не жать на педали. Посол изучал его с любопытством зоолога, увидевшего розового жирафа.

— Мне стало известно, что вы обладаете велосипедом.

Гаррисон ответил осторожно:

— Сэр, в инструкциях не сказано ничего, что...

— К чертям инструкции, — сделал нетерпеливый жест посол. — Мы оказались в идиотской ситуации, и выпутываться из нее придется по-идиотски.

— Так точно, сэр.

— Поэтому я хочу дать вам поручение. Поезжайте в город на своем велосипеде, найдите мэра, шерифа, самую большую шишку, или верховное ничтожество, или кто там у них есть. И передайте ему мое официальное приглашение на ужин. Ему и всем официальным лицам, которых он сочтет нужным с собой привести. С женами, разумеется.

— Слушаюсь, сэр.

— Партикулярное платье, — добавил посол.

Гаррисон выставил вперед одно ухо, опустил другое и сказал:

— Прошу прощения, сэр?

— Могут одеваться как хотят.

— Понятно, сэр. Мне можно отправляться прямо сейчас, сэр?

— Немедленно. Возвращайтесь как можно скорее и доставьте мне ответ.

Неуклюже отковыряв, Гаррисон вышел. Его превосходительство удобно раскинулся в кресле, игнорируя взгляды присутствующих.

— Только и всего. — Посол вытянул из ящика длинную сигару и тщательно откусил кончик. — Если мы не можем подобрать ключ к их головам, то подберем к желудкам. — Он хитро сощурился. — Капитан, проследите, чтобы выпивки было вдоволь. И покрепче. Венерианский коньяк или что-нибудь в этом роде. Час за обильным столом, и языки развяжутся. Мы их потом всю ночь остановить не сможем. — Посол закурил сигару и с удовольствием затянулся. — Старый испытанный дипломатический прием: незаметное обольщение путем набивания желудка. Всегда срабатывает безотказно, сами увидите.

* * *

Энергично давя на педали, десятый инженер Гаррисон въехал на улицу, по обеим сторонам которой стояли маленькие дома, окруженные аккуратными садиками. Пухленькая, миловидная женщина подстригала в одном из них газон. Он подкатил к ней, вежливо прикоснувшись пальцами к пилотке.

— Прошу прощения, мэ. Кто у вас в городе самый большой человек?

Она обернулась, скользнула по нему взглядом и указала ножницами на юг.

— Джефф Бэйнс. Первый поворот направо, второй налево. У него кулинарная лавка.

— Спасибо.

Он двинулся дальше. Первый поворот направо. Он объехал грузовик на резиновых колесах, стоящий у угла. Второй налево. Трое ребятшек тыкали в него пальцами, хрипло вопя, что заднее колесо его велосипеда выхляет. Он нашел лавку, прислонил велосипед педалью к обочине и похлопал его ободряюще, прежде чем войти и взглянуть на Джеффа.

А посмотреть было на что. У Джеффа было четыре подборodka, шея объемом в двадцать два дюйма и выпирающее на пол-ярда брюхо. Простой смертный запросто мог нырнуть в одну штанину его брюк, не снимая при этом акваланга. Без сомнения, он действительно был самым большим человеком в городе.

— Хочешь чего-нибудь? — извлек Джефф вопрос откуда-то из глубины своей утробы.

— Да не совсем. — Десятый инженер Гаррисон окинул взглядом обильные запасы еды, и ему пришло в голову, что если ее всю к вечеру не раскупят, то вряд ли выкинут кошкам. — Я ищу определенного человека.

— Вот как. Я-то сам держусь обычно от таких подалше, но у каждого свой вкус. — Джефф подергал толстую губу, собираясь с мыслями, а потом предложил: — Почему бы тебе не обратиться к Сиду Вилкону на Дэйд-авеню? Он самый определенный из всех людей, которых я знаю.

— Я не совсем это имел в виду. Я хотел сказать, что ищу человека особенного.

— Так какого же рожна ты не скажешь прямо? — Поразмыслив над новой проблемой, Джефф Бэйнс предложил: — По этой части годится Тод Грин. Ты его найдешь в обувной мастерской на углу. Он-то уж точно особенный. И еще какой!

— Вы меня не понимаете, — объяснил Гаррисон. — Я охочусь за большой шишкой, чтобы пригласить его откусать.

Усевшись на высокий табурет, со всех сторон которого его тело свисало не меньше чем на фут, Джефф Бэйнс окинул Гаррисона любопытным взглядом и сказал:

— Что-то здесь не то. Во-первых, тебе придется не один год искать человека с шишкой, особенно если тебе обязательно нужна именно большая шишка. И какой смысл тратить на него об только из-за этого?

— Тратить что?

— По-моему, это само собой разумеется. Об нужно устраивать так, чтобы им гасить старый об. Разве нет?

— Разве? — Гаррисон даже не закрыл рот. Мозг его пытался разобраться в странном вопросе: как устраивать об?

— Ты, стало быть, не знаешь? — Джефф Бэйнс зевнул. — Слушай, это на тебе что, униформа, что ли?

— Да.

— Самая что ни на есть настоящая униформа?

— Конечно.

— А, — сказал Джефф. — На этом-то я и купился: пришел ты один, сам по себе. Если бы вы приперлись целой оравой, да еще одинаково одетые, я бы сразу понял, что это униформа. Ведь в этом и есть смысл униформы, чтобы все были одинаковые. Так, что ли?

— Должно быть, так, — согласился Гаррисон, никогда раньше над этим не задумывавшийся.

— Значит, ты с того корабля. Я мог бы и сразу догадаться, да что-то туго воображаю сегодня. Но никак уж не ожидал увидеть кого-нибудь из вас, шатающегося в одиночку на этой штуке с педалями. Это о чем-то говорит, разве нет?

— Да, — сказал Гаррисон, поглядывая в сторону велосипеда, проверяя, не увел ли его кто, пока хозяину заговаривают зубы. Машина была на месте. — Это о чем-то говорит.

— Ну ладно, выкладывай, зачем пришел.

— Да я же все время пытаюсь объяснить. Меня послали, чтобы...

— Послали? — Глаза Джеффа полезли на лоб. — Ты хочешь сказать, что ты действительно позволил кому-то послать себя?

Гаррисон уставился на него:

— Конечно. А почему нет?

— Кажется, я наконец понял, — сказал Джефф, и его обескураженное лицо мгновенно прояснилось. — Ты меня просто сбил с толку своей странной манерой выражаться. Ты хочешь сказать, что имеешь об?

В отчаянии Гаррисон спросил:

— Да что это такое — об?

— Он не знает, — прокомментировал Джефф Бэйнс, вперив в потолок молитвенный взгляд. — Он даже этого не знает! — И отрешенно вздохнул. — Ты случаем не голоден?

— Скоро буду.

— Лады. Я, конечно, мог бы тебе сказать, что такое об, но сделаю лучше. Я тебе покажу, что это такое. — Джефф сполз с табурета и переместился к задней двери. — Не знаю даже, с чего это я должен стараться и учить уму-разуму человека в униформе. Так разве что, от скуки. Иди за мной.

Гаррисон покорно последовал за ним во двор. Джефф Бэйнс показал на груду ящиков:

— Консервы. — Потом показал на склад рядом. — Вскрой ящики и сложи консервы в складе. Тару сложи во дворе. Хочешь — делай, хочешь — нет. На то и свобода, не так ли?

Он потопал обратно в лавку.

Предоставленный самому себе, Гаррисон почесал уши и задумался. Дело пахло каким-то розыгрышем. Кандидата Гаррисона искушали сдать экзамен на диплом соплика. Но, с другой стороны, стоило посмотреть, в чем дело, и перенять трюк. И вообще, риск — благородное дело. Поэтому он сделал все, как было сказано. Через двадцать минут энергичного труда он вернулся в лавку.

— Так вот, — объяснил Бэйнс, — ты сделал что-то для меня. Это значит, что ты на меня имеешь об. За то, что ты для меня сделал, я тебя благодарить не буду. Это ни к чему. Все, что я должен сделать, это погасить об.

— Об?

— Обязательство. Я тебе обязан. Но зачем тратиться на длинное слово, когда и короткого хватает? Обязательство — это об. Я с ним обхожусь таким путем: здесь через дом живет Сет Ворбертон. Он мне должен с полдюжины обов. Так что я погашу об тебе и дам возможность один об погасить Сету следующим образом: пошлю тебя

к нему, чтобы он тебя покормил. — Джефф нацарапал что-то на клочке бумаги. — Отдай это Ворбертону.

Гаррисон уставился на записку. Очень небрежным почерком там было написано: «Накорми этого обормота».

Несколько ошарашенный, он выбрался за порог, остановился у велосипеда и перечитал записку. «Обормот», — гласила она. А на корабле подобное выражение многих бы привело в ярость. Но внимание Гаррисона привлекла витрина через дом от лавки Джеффа. Она ломилась от яств, а над ней висела вывеска из двух слов: «Харчевня Сета». Приняв (не без подстрекательства со стороны желудка) твердое решение, инженер вошел в харчевню, все еще сжимая записку в руке, как смертный приговор. С порога его встретил запах кушаний и звон посуды. Он подошел к мраморному столу, за которым сидела сероглазая брюнетка.

— Вы не против? — вежливо осведомился он, опускаясь в кресло.

— Против чего? — Ее взгляд обследовал уши Гаррисона, как будто они были чем-то особенным. — Детей, собак, старости или прогулок под дождем?

— Вы не против того, чтобы я здесь сидел?

— Посмотрим, как мне это понравится. На то и свобода, не так ли?

— Ну да, — сказал Гаррисон, — конечно.

Пока он думал, что бы еще сказать, появился худенький человечек в белой куртке и поставил перед ним тарелку с жареным цыпленком и гарниром из трех сортов

неизвестных Гаррисону овощей. Содержимое тарелки привело его в изумление. Он и не помнил, когда в последний раз видел жареного цыпленка или когда ел овощи, кроме как в порошке.

— В чем дело? — спросил официант, не понявший, почему клиент уставился на тарелку пораженным взглядом. — Не нравится?

— Нравится. — Гаррисон отдал ему записку. — И еще как.

Взглянув на нее, официант крикнул кому-то, почти невидимому в струях пара за стойкой:

— Ты погасил Джеффу еще один.

И разорвал бумажку в мелкие клочки.

— Быстро это ты, — прокомментировала брюнетка, кивая на полную тарелку. — У кого-то об тебя накормить, и ты его сразу отоварил, так что все квиты. А мне придется за мой обед мыть посуду или погасить какой-нибудь об за Сета.

— Я перетаскал груды ящиков с консервами. — Гаррисон взял нож и вилку, чувствуя, как у него слюнки потекли. На корабле ножей и вилок не было: когда питаешься пилюлями и порошками, столовые приборы просто ни к чему. — А здесь особого выбора нет? Ешь, что дают?

— Есть, если имеешь об на Сета. Тогда он должен в лепешку для тебя разбиться. Так что, вместо того чтобы полагаться на судьбу, а потом жаловаться, сделал бы лучше что-нибудь для него.

— Я не жалуясь.

— А это твое право. На то и свобода, не так ли? — Девушка поразмыслила немножко, потом добавила: — Не так уж часто бывает, чтобы Сет мне был обязан. Но когда такое случается, я требую ананасного мороженого, и он летит на всех парах. А когда я ему обязана, бегать приходится мне.

Ее серые глаза вдруг сузились от неожиданной догадки.

— Ты слушаешь, как будто это все тебе в диовинку. Ты не здешний?

Он кивнул, поскольку рот его был набит цыпленком. Проржевав, добавил:

— Я с того корабля.

— Ничего себе! — На лице девушки сразу же появилось ледяное выражение. — Антиганд! Кто бы мог подумать, ты же выглядишь почти по-человечески.

— Всегда гордился этим сходством. — Вместе с ощущением сытости к Гаррисону возвращалось чувство юмора.

Снова подошел официант.

— Что есть из питья? — спросил Гаррисон.

— Дис, двойной дис, шемак и кофе.

— Кофе. Черный и большую чашку.

— Шемак вкуснее, — посоветовала брюнетка, когда официант отошел. — Но с чего, собственно, я тебе буду подсказывать?

Кофейная кружка была объемом в пинту. Поставив ее на стол, официант сказал:

— Поскольку Сет погашает свой об, то выбирай сам, что тебе на десерт? Яблочный пирог, импик, тертые тарфельсферы или канимелон в сиропе?

— Ананасное мороженое.

Официант моргнул, укоризненно посмотрел на брюнетку и пошел за мороженым.

— Угощайтесь, — подвинул Гаррисон тарелочку через стол.

— Это твое.

— Не могу даже попробовать.

Он откусил еще кусок цыпленка, помешал ложечкой кофе и почувствовал себя в ладах со всем миром.

— В меня больше не влезет. Давай угощайся, и черт с ней, с талией.

— Нет. — Девушка решительно отодвинула лакомство обратно. — Если я его приму, то буду тебе обязана.

— Ну и что с того?

— Я не позволяю чужакам делать меня им обязанной.

— Ну и правильно. Очень с твоей стороны разумно, — одобрил Гаррисон. — Чужаки часто бывают со странностями.

Мороженое опять передвинулось на ее сторону стола.

— Если ты полагаешь, что я на тебя буду иметь за это об, то ты можешь погасить его вполне пристойным образом. Все, что мне нужно, — это некоторые сведения. Где мне найти самую важную птицу в городе?

— Иди к Алеку Питерсу, он живет на десятой улице. — С этими словами брюнетка запустила ложечку в тарелку.

— Спасибо. А то я уже начал думать, что здесь все придурковатые.

Гаррисон допил кофе и лениво откинулся на спинку кресла. Непривычная сытость обострила его мыслительный процесс, ибо через минуту лицо его затуманилось подозрением, и он спросил:

— А у этого Питера что, птицеферма?

— Конечно, — переведя с удовольствием дух, она отодвинула пустую тарелку.

Тихо протонав, Гаррисон сообщил ей:

— Я ищу мэра.

— Это еще что такое?

— Человек номер один. Большой босс, шейх, пахан или кто у вас здесь есть.

— Я так ничего и не поняла, — сказала девушка в не-притворном изумлении.

— Человек, который руководит городом. Ведущий гражданин.

— Объясни, пожалуйста, — она честно пыталась ему помочь. — Кого или что этот гражданин должен вести?

— Тебя, Сета и всех остальных. — Гаррисон описал рукой круг для вящей убедительности.

Нахмурившись, брюнетка спросила:

— Куда он нас должен вести?

— Куда бы вы ни шли.

Девушка обратилась за помощью к официанту:

— Мэтт, мы куда-нибудь идем?

— Откуда мне знать?

— Тогда спроси Сета.

Официант исчез и тотчас вернулся.

— Сэт сказал, что он идет домой в шесть часов, а тебе что до этого?

— Его кто-нибудь ведет?

— Рехнулась, что ли? — спросил Мэтт. — Дорогу домой он знает, да и трезвый к тому же.

Гаррисон вмешался в разговор:

— Слушайте, я не понимаю, почему это все так сложно. Вы только скажите мне, где я могу найти какое-нибудь официальное лицо, любого чиновника, начальника полиции, городского казначея или, на худой конец, хоть мирового судью?

— Что такое «официальное лицо»? — спросил в изумлении Мэтт.

— Что такое «мировой судья»? — добавила брюнетка.

Голова у Гаррисона пошла кругом, и он решил зайти с другой стороны.

— Предположим, — сказал он Мэтту, — что ваше заведение загорится. Что вы все тогда будете делать?

— Раздувать пожар, — ответил Мэтт, не считая нужным скрывать, что эта беседа ему осточертела. Он вернулся к стойке с видом человека слишком занятого, чтобы тратить время на всяких недоумков.

— Он будет его гасить, — сообщила брюнетка. — Что же еще, по-твоему, ему делать?

— А если он один не справился?

— Тогда позовет других на помощь.

— А они помогут?

— Конечно, — заверила она, глядя на инженера с жалостью, — кто же упустит такой случай заработать об?

— Похоже, что так. — Гаррисон чувствовал себя прижатым к стенке, но сделал последнюю попытку. — Но все-таки, что случится, если пожар не удастся погасить?

— Тогда Сет вызовет пожарную команду.

— Ага, значит, есть все-таки пожарная команда. Это я имел в виду, когда спрашивал об официальных организациях. Это-то мне и нужно. Ну-ка скажи мне, как найти пожарное депо?

— Конец Двенадцатой улицы. Ты его не сможешь не заметить.

— Спасибо, — Гаррисон вскочил и помчался вперед.

Пожарное депо было большим зданием, в котором содержались четыре раздвижные лестницы, водомет и два мощных насоса — все моторизованное, на шасси с толстыми резиновыми колесами. Внутри Гаррисон столкнулся нос к носу с маленьким человечком, одетым в чересчур просторный комбинезон.

— Ищешь кого? — осведомился человек.

— Брандмейстера.

— Это еще кто?

Уже наученный опытом, Гаррисон разговаривал так, как будто его собеседник был ребенком.

— Слушайте, мистер, это ведь пожарная команда. Кто-то ею командует. Кто-то же руководит всем балаганом, заполняет бумаги, нажимает на кнопки, повышает в чине, увольняет, приписывает себе все заслуги, валит вину на других и вообще хозяйничает. Он во всей ораве самый важный, и все это знают. — Палец Гаррисона уперся человеку в грудь. — И он тот человек, с которым я намерен поговорить, чего бы мне это ни стоило.

— Ни один человек не может быть важнее другого. Такого просто не бывает, а ты, по-моему, спятил.

— Думай, что хочешь, но я тебе говорю, что...

Хриплый звон колокола прервал фразу. Двадцать человек, выросшие как будто из-под земли, в мгновение ока заняли свои места на машинах с лестницей и насосом, и машины выкатились на улицу. Единственной общей деталью в их туалетах были плоские, похожие на тазики каски. Во всем же остальном они демонстрировали глубины падения портновского искусства. Человечек в комбинезоне, одним бравым прыжком догнавший насос, скрылся из поля зрения за спинами толстого пожарного, перетянутого кушаком всех цветов радуги, и тощего, щеголяющего юбкой желто-канареечной окраски. Их опоздавший коллега, украшенный сережками в форме маленьких колокольчиков, отчаянно преследовал машину, пытался ухватиться за задний борт, промахнулся и грустно посмотрел вслед удаляющейся бригаде. Потом побрел обратно, раскачивая каску на руке.

— Везет как утопленнику, — сообщил он обескураженному Гаррисону. — Лучшая тревога года. Горит винзавод. Чем быстрее ребята туда доберутся, тем больше об. — При этой мысли он облизнулся, садясь на бухту брезентового шланга. — Но, может, оно и лучше для здоровья, что я опоздал.

— Объясни мне, — стоял на своем Гаррисон, — как ты себе обеспечиваешь жизнь?

— Что за вопрос? Ты, по-моему, и сам видишь. Работаю в пожарной команде.

— Это я знаю. Но кто тебе платит?

— Платит?

— Ну, деньги дает за работу?

— Странно ты выражаешься; что такое деньги?

Гаррисон почесал череп, чтобы усилить приток крови к мозгу. Что такое деньги? Ничего себе. Он решил попробовать другой подход.

— Предположим, твоей жене нужно новое пальто. Где она его возьмет?

— Пойдет в лавку, которая обязана пожарным. Взяв пальто, она погасит пару-другую обов.

— А что, если в лавках, торгующих одеждой, пожаров не было?

— Братец, да откуда ты такой темный взялся? Почти каждая лавка имеет обы пожарным. Если они не дураки, то каждый месяц выделяют определенное количество обов.

Для страховки. Предусмотрительные они, понял? В какой-то мере они и наши обы имеют, так что, когда мы несемся их спасать, нам приходится гасить обы им, прежде чем получим на них новые. Это не позволяет нам злоупотреблять. Вроде бы сокращает задолженность лавочников. Толково, правда?

— Может, и да, но...

— Я понял наконец, — перебил абриген, сузив глаза. — Ты с того корабля. Ты — антиганд.

— Я с Терры, которая когда-то называлась Землей, — с подобающим достоинством сказал Гаррисон. — Более того, первые поселенцы на этой планете тоже были землянами.

— Будешь меня истории учить? — Пожарный ехидно рассмеялся. — Ошибаешься, пять процентов из них были марсианами.

— Марсиане тоже произошли от земных поселенцев, — парировал Гаррисон.

— Ну и что? Это было черт знает как давно. Все меняется, если ты раньше этого не знал. На этой планете нет уже ни марсиан, ни землян. Мы все здесь ганды. А вы, которые суете свой нос, куда вас не просят, антиганды.

— Мы вовсе не анти что-то, насколько мне известно. С чего ты все это взял?

— Зассд, — ответил его собеседник, неожиданно решивший прекратить дискуссию. Он перебрал каску в другую руку и плюнул на пол.

— Что?

— Что слышал. Катись отсюда на своем драндулете.

Так отчаявшийся Гаррисон и сделал. Расстроенный, он покатил обратно на корабль.

* * *

Его превосходительство впери в Гаррисона повелительный взгляд.

— Итак, вы вернулись наконец. Сколько человек придет и когда?

— Никто не придет, сэр, — сказал Гаррисон, начиная чувствовать дрожь в коленках.

— Никто? — Посол грозно нахмурил брови. — Вы хотите сказать, что никто не принял мое приглашение?

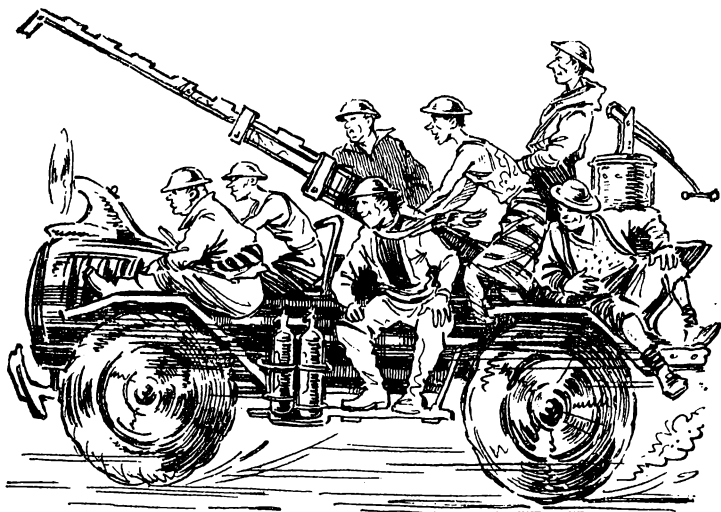
— Никак нет, сэр.

Посол подождал секунду, потом сказал:

— Выкладывайте, в чем дело. И перестаньте тарашить. Вы сказали, что мое приглашение никто не отвергал, но никто не придет тем не менее. Как я должен все это понимать?

— Я никого не пригласил.

— А, так вы никого не пригласили! — Обернувшись к Грейдеру, Шелтону и другим офицерам, посол сказал: — Не пригласил, видите ли. — Потом он повернулся к Гаррисону. — Я полагаю, вы просто-напросто забыли это сделать? Опьяненный свободой и властью человека над техникой, вы

носились по городу, наплевав на все их правила движения, создавая угрозу для жизни пешеходов, не утруждая себя даже дать гудок или...

— На моем велосипеде нет гудка, сэр, — опроверг его слова Гаррисон, внутренне протестуя против этого списка преступлений. — У меня есть свисток, который приводится в действие вращением заднего колеса.

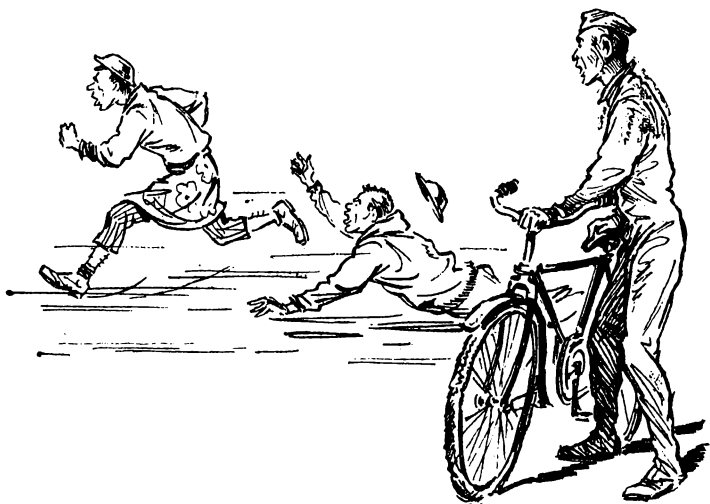
— Ну вот, — сказал посол с видом человека, потерявшего всякую надежду. Он рухнул в кресло, хватаясь за голову: — Одному только соломинки для мыльных пузырей не хватало... — Он трагически выставил указательный палец. — А у другого — свисток!

— Я его сам изобрел, сэр, — сообщил ценную информацию Гаррисон.

— Я в этом и не сомневаюсь. Вполне могу себе представить... Я ничего другого от вас и не ожидал. — Посол взял себя в руки. — Скажите мне под строжайшим секретом, абсолютно между нами, — он наклонился вперед и спросил шепотом, повторенным семикратным эхом: — **Почему** вы никого не пригласили?

— Не нашел никого, сэр. Я старался изо всех сил, но они, кажется, не понимали, о чем я говорю. Или притворялись, что не понимают.

— Так. — Его превосходительство посмотрел в иллюминатор, потом на часы. — Уже смеркается. Скоро наступит ночь. Сейчас уже поздно приступать к дальнейшим действиям. — Последовало раздраженное хмыканье. — Еще один день впустую. Мы здесь уже два дня, а все тыкаемся без толку. — Кислый взгляд посла остановился на Гаррисоне. — Ну хорошо, сударь. Поскольку мы все равно теряем время

зря, мы могли бы выслушать ваш рассказ и полностью. Расскажите все подробности. Может быть, мы сумеем таким путем найти в нем хоть какой-нибудь смысл.

Гаррисон завершил свой рассказ следующими словами:

— Мне показалось, сэр, что болтать с ними можно хоть до второго пришествия, даже по-дружески и с удовольствием, но все равно каждый будет нести свое, не понимая собеседника.

— Похоже, что так оно и есть, — заметил посол сухо. Он обернулся к капитану Грейдеру. — Вы изрядно попутешествовали, много чего повидали на своем веку. Что вы думаете обо всей этой болтовне?

— Думаю, дело в семантике, — ответил капитан, которого обстоятельства заставили некогда изучать этот предмет. — Подобная проблема возникает почти на каждой планете, надолго оторванной от связей со всем остальным миром, но обычно все рано или поздно разъясняется. — Он помолчал, припоминая что-то. — Первый абориген, которого мы встретили на Базилевсе, сказал очень сердечно: «Сымай башмаки сей минут!»

— И что же это означало?

— «Заходите, пожалуйста, обуйте мягкие тапочки и будьте как дома». Другими словами — «добро пожаловать». Не так уж трудно разобраться, ваше превосходительство, когда знаешь, чего ожидать. — Грейдер бросил задумчивый взгляд на Гаррисона и продолжал: — Здесь, вероятно, процесс дошел до крайности. Сохраняется беглость языка, сохраняется и внешнее сходство, маскирующее, однако, глубокие изменения в значениях слов, отброшенные концепции, заменившие их новые реалии и мыслительные ассоциации, не

говоря уже о неизбежном влиянии развивающегося местного слэнга.

— Как, например, зассд, — ответил его превосходительство. — Вот ведь странное слово! И никаких видимых связей с земными корнями!

— Разрешите, сэр? — вмешался Гаррисон робко. Он замялся, видя, что привлек к себе общее внимание, но потом смело продолжил: — На обратном пути я встретил даму, указавшую мне дорогу к дому Бэйнса. Она спросила, нашел ли я его. Я ответил: «Да, спасибо». Мы немного поболтали. Я спросил ее, что такое зассд. Она сказала, что это сокращение. — Здесь Гаррисон запнулся.

— Продолжайте, — приказал посол. — После тех соленых выражений, которые доносились до меня из машинного отделения через вентиляционную трубу, меня уже ничто не смутит. Что же означает это сокращение?

— З-а-с-с-д, — сообщил, моргая, Гаррисон. — «Занимайся своим собственным делом».

— Вот как! — Его превосходительство порозовел. — То есть не суйся, куда не просят? Вот, значит, что они мне все время говорили?

— Боюсь, что так, сэр.

— Им, совершенно очевидно, придется многому поучиться. — В неожиданном припадке отнюдь не дипломатической ярости шея посла вздулась, а кулак громко вошел в соприкосновение с крышкой стола. — И они научатся!

— Да, сэр, — не стал возражать Гаррисон, все больше чувствуя себя не в своей тарелке и желая поскорее смыться. — Могу ли я идти и заняться своим велосипедом?

— Убирайтесь с глаз долой! — заорал посол. Сделав пару бессмысленных жестов, он повернулся багровой физиономией к капитану Грейдеру: — Велосипедом! А пращи ни у кого на этом корабле нет?

— Сомневаюсь, ваше превосходительство, но могу узнать, если прикажете.

— Не будьте идиотом, — приказал посол. — Свою порцию идиотизма на сегодня мы уже получили.

Следующее совещание, отложенное до рассвета, было отослательно коротким. Его превосходительство занял председательское кресло, принял удобную позу и обвел присутствующих хмурым взглядом.

— Давайте рассмотрим ситуацию с другой стороны. Мы знаем, что населяющие эту планету лошаки именуют себя гандами, не придают никакого значения своему происхождению и настаивают на том, что мы — антиганды. Это свидетельствует о системе воспитания, результатом которой и явилось неприязненное отношение к нам. С детства здешних жителей приучили к мысли, что мы, появившись на их планете, будем противниками всего их образа жизни.

— Однако мы не имеем ни малейшего понятия о том, в чем именно заключается их образ жизни, — вставил полковник Шелтон.

Ничего нового он этим не мог сказать, но зато напомнил

лишний раз о своем присутствии и продемонстрировал внимание к обсуждаемому вопросу.

— Я осознаю наше прискорбное неведение, — поддержал его посол. — Они держат в тайне принципы своего общественного устройства. Мы должны до них как-то докопаться. — Прочистив горло, он продолжал: — Они создали странную безденежную экономику, которая, по-моему, способна функционировать только благодаря материальным избыткам. Она и дня не продержится, когда перенаселенность принесет свои обычные проблемы. Похоже, что их экономическая система держится на кооперации, частном предпринимательстве и какой-то детсадовской честности. По сравнению с ней даже идиотская экономика четырех внешних планет Эпсилона выглядит образцом разумной организации.

— Однако, — заметил Грейдер подчеркнуто, — она функционирует.

— Это как смотреть. Велосипед нашего лопухого инженера тоже функционирует. Но с мотором ему не пришлось бы так потеть. — Удовлетворенный своей аналогией, посол немного посмаковал ее. — Эта система экономики, если ее вообще можно назвать системой, почти наверняка возникла в результате беспорядочного и бесконтрольного развития какого-то эксцентричного отклонения, завезенного первыми поселенцами; она давным-давно нуждается в модернизации. Аборигены знают это, но отказываются признавать, потому что в умственном развитии отстали на триста лет. Как и все остальные народы, они с опаской относятся к переменам, прогрессу, улучшениям. Более того, некоторые из них определенно заинтересованы в сохранении существующего порядка вещей. — Он презрительно фыркнул. — Антагонизм по отношению к нам объясняется их нежеланием позволять бескоить себя.

Посол оглядел лица присутствующих, ища желающих предложить другую версию, но все были слишком хорошо вышколены, чтобы угодить в подобную ловушку. Поскольку никакой реакции не последовало, посол продолжал:

— В должное время, после того как мы окончательно разберемся, что к чему, нам придется заняться длительной и нудной работой. Придется перестроить всю их педагогическую систему и воспитывать людей на уровне современных требований. Мы уже имеем опыт аналогичной деятельности на нескольких планетах, хотя ни разу еще перед нами не вставала задача такого масштаба, как здесь.

— Справимся! — заверил кто-то.

Не обращая на реплику внимания, посол закончил:

— Тем не менее все это вопросы завтрашнего дня. Сегодня же нам предстоит решить другую проблему. А именно: где бразды правления и кто их держит? Это необходимо установить, чтобы успешно двигаться дальше. Как нам быть? — Он откинулся в кресле и добавил: — Пошевелите-ка мозгами и подскажите мне что-нибудь толковое.

Поднялся капитан Грейдер, держа в руках большую книгу в кожаном переплете.

— Ваше превосходительство, я не думаю, что нам придется напряженно искать новые пути контакта и сбора информации. Похоже, что следующий ход просто будет нам навязан.

— Что вы имеете в виду?

— Среди членов моего экипажа много старослужащих. Они прямо-таки собаку съели на космическом праве. — Капитан похлопал по книге. — И все уставы космослужбы знают не хуже меня. Я даже думаю, что они знают слишком много.

— То есть?

Грейдер раскрыл книгу.

— Параграф 127 гласит, что при посадке на враждебную планету экипаж выполняет свои обязанности согласно инструкциям о несении службы в боевой обстановке вплоть до отлета в космос. На невраждебной планете экипаж выполняет свои обязанности согласно инструкциям о несении службы в небоевой обстановке.

— Ну и что с того?

— Параграф 131а гласит, что в небоевой обстановке весь экипаж, за исключением дежурной вахты, имеет право на увольнение на берег сразу же после разгрузки корабля или в течение 72 часов после посадки на планету. — Грейдер поднял взгляд от книги. — К полудню все настроится на увольнение и будут гореть нетерпением. Если увольнения они не получают, может возникнуть недовольство.

— Недовольство? — переспросил, криво улыбаясь, посол. — А если я объявлю эту планету враждебной? Это сразу пресечет недовольство, не так ли?

Невозмутимо сверившись с книгой, Грейдер дал ответ:

— Параграф 148 гласит, что враждебной может считаться планета, систематически оказывающая землянам противодействие силой. — Он перевернул страницу. — В настоящем уставе противодействие силой определяется как любое действие, направленное на причинение физических повреждений, независимо от того, имело ли данное действие успех или нет.

— Я не согласен. — Посол принял выражение глубокого недовольства. — Неизвестный мир может быть враждебен психологически, даже если он не прибегает к противодействию силой. Пример у вас перед глазами. Это отнюдь не дружественная планета.

— Устав космослужбы не предусматривает классификации планет как «дружественных» или «недружественных», — сообщил Грейдер. — Все планеты классифицируются только как «враждебные» или «невраждебные». — Он опять похлопал по переплету. — В этой книге все указано.

— Мы получим первый приз на конкурсе дураков, если позволим руководить собой какой-то книжонке или команде. Вышвырните свой талмуд в иллюминатор. Или суньте в мусоросборник. Избавьтесь от него любым удобным вам путем и забудьте о нем.

— Прошу, ваше превосходительство, простить меня, но я не имею на это права. — Грейдер открыл книгу на первой странице. — Основные параграфы 1а, 1б гласят: «Как в космосе, так и на берегу весь личный состав корабля подчиняется только капитану или назначенному им лицу, которые действуют исключительно на основании устава космослужбы и несут ответственность только перед Главным штабом космического флота, расположенным на Терре. То же касается десантных войск, официальных гражданских лиц и пассажиров, находящихся на борту космических кораблей (как в полете, так и на берегу). Вне зависимости от их ранга и полномочий они подчинены капитану или назначенному им лицу. Этим лицом является один из офицеров корабля, исполняющий обязанности своего непосредственного начальника в случае отсутствия последнего или его выхода из строя».

— И все это означает, что хозяин в замке вы, — сказал не очень этим обрадованный посол. — А кому такой порядок не нравится, может сойти и дальше не ехать.

— Со всем должным к вам уважением я вынужден признать, что дела обстоят именно так. Я ничего не могу изменить: устав есть устав. И личному составу он хорошо известен. — Грейдер с шумом захлопнул книгу и отложил ее в сторону. — Могу поставить десять против одного, что все сейчас глядят брюки, причесываются и наводят лоск. Я знаю, что они обратятся ко мне, как положено по уставу, и я не имею права им отказать. Согласно правилам они попросят старпома представить мне на утверждение список увольняемых. — Он глубоко вздохнул. — Единственное, что я смогу сделать, это вычеркнуть несколько фамилий или изменить очередность увольнений, но отменить их совсем я не могу.

— Может быть, это даже будет полезным — пустить ребят погулять в город, — предложил полковник Шелтон, который и сам был бы не прочь гулянуть. — Прибытие флота всегда хорошая встряска для захолустного порта. Контакты будут устанавливаться десятками, а мы именно этого и добиваемся.

— Мы добиваемся контактов с руководством этой планеты, — отметил посол. — Мне как-то трудно себе представить руководящее лицо, примеряющее свою лучшую шляпку, пудрящее нос и выскакивающее на улицу, чтобы подцепить изголодавшегося забулдыгу матроса. — Его пухлое лицо передернулось. — Мы должны искать иголку в стогу сена. Это работа не для матросни.

— Я не могу не согласиться с вами, ваше превосходительство, нам придется рискнуть, — сказал Грейдер. — Личный состав ожидает увольнения, а обстановка лишает меня власти препятствовать ему. Подобную власть мне может дать только одно.

— Что именно?

— Факты, которые позволят мне классифицировать планету как враждебную в том смысле, как определено уставом.

— Можно ли как-нибудь это устроить? — И, не дожидаясь

ась ответа, посол продолжил: — В каждом экипаже всегда есть неисправимый бузотер. Найдите его, поднесите двойную чарку венерианского коньяка, обещайте немедленное увольнение на берег, но выскажите сомнение в том, что оно придется ему по душе: мол, эти ганды на нас смотрят как на отбросы. Потом выпихните его из корабля. Когда он вернется с подбитым глазом и будет хватать, как он отделал того парня, объявите планету враждебной. — Посол сделал выразительный жест. — Что еще? Физическое насилие. Все согласно уставу.

— Параграф 148а особо подчеркивает, что устав имеет в виду **систематическое** противодействие силой. Индивидуальные же стычки не рассматриваются уставом как факты, доказывающие враждебность планеты.

Посол разгневанно обернулся к старшему гражданскому чиновнику:

— Когда вернетесь на Терру, если вы вообще доберетесь обратно, можете сообщить руководству соответствующего ведомства, что космическая служба дезорганизована, парализована и не способна к выполнению своих функций благодаря составляющим уставы бюрократам.

Прежде чем чиновник смог придумать ответ, достаточно благоприятный для себя, но и не противоречащий словам посла, раздался стук в дверь. Вошедший старший помощник Морган молодцевато откозырнул и протянул капитану Грейдеру лист бумаги.

— Список первой группы увольняемых, сэр. Прошу утвердить.

* * *

Четыреста двадцать матросов ринулись на город ранним утром. Как все моряки, истосковавшиеся по берегу, они горели надеждами и нетерпением.

Глид примкнул к Гаррисону. Среди отпускников он был единственным сержантом, а Гаррисон — единственным десятым инженером. К тому же только они двое были в штатском. Без мундира Глид чувствовал себя не в своей тарелке, а Гаррисону не хватало велосипеда. Этих мелочей было достаточно, чтобы свести их вместе хотя бы на один день.

— Лафа, ей-богу, — с энтузиазмом заявил Глид. — Немало было на моем веку приятных увольнений, но это просто лафа. На всех остальных планетах всегда возникала проблема, что брать с собой вместо денег. Ребята выкатывались из корабля, как батальон дедов-морозов, нагруженные всякой всячиной для меновой торговли. На девять десятых это барахло никому не было нужно, и приходилось потом переть все обратно.

— На Персефоне, — сказал Гаррисон, — один длинноногий миллик предлагал мне двадцатикаратовый бриллиант чистой воды в обмен на мой велосипед.

— И ты отказался?

— Конечно. Мне бы пришлось возвращаться за шестнадцать световых лет, чтобы достать другой велосипед.

— Мог бы некоторое время и без велосипеда обойтись.

— Я могу обойтись и без бриллианта.

— Ну и балда же ты. За такой камень мог бы огрести тысяч двести, а то и двести пятьдесят кредитов. — Глид даже облизнулся, вообразив такую уйму денег. — Кредиты, и побольше! Это я уважаю! Потому и говорю, что здесь лафа! Обычно перед увольнением Грейдер нас накачивает насчет хорошего поведения, чтобы мы производили благоприятное впечатление и все такое прочее. А на этот раз он говорил о кредитах.

— Это его посол настропалил.

— Неважно кто, мне это все равно пришлось по душе, — сказал Глид. — Десять кредитов и внеочередное увольнение каждому, кто сумеет привести на корабль взрослого ганда, мужчину или женщину, согласных дать информацию.

— Не так-то просто будет их заработать.

— Сто кредитов тому, кто установит имя и адрес руководителя городской администрации. Тысячу кредитов за название и координаты столицы! — Сержант присвистнул и продолжал: — Кто-то огребет всю эту кучу денег!

Он замолчал, заглядевшись на проходившую мимо высокую гибкую блондинку. Гаррисон дернул его за рукав.

— Вот лавка Бэйнса, про которую я тебе говорил. Зайдем?

— Давай. — Глид не очень охотно последовал за ним, не отрывая глаз от улицы.

— Добрый день, — бодро сказал Гаррисон.

— Вот уж нет, — возразил Джефф Бэйнс. — Торговля плохо идет. Сегодня полуфинальные игры, и добрая половина города смоталась туда. А о брюхе вспомнят, когда я уже закрою лавку. Значит, набегут завтра и навалят мне работенки.

— Как может торговля идти плохо, если ты не берешь денег даже тогда, когда она идет хорошо? — поинтересовался Глид, выводя разумный вопрос из полученной ранее от Гаррисона информации.

Джефф медленно обшарил его взглядом, потом повернулся к Гаррисону.

— Еще один обормот с твоего корабля? О чем это он говорит?

— Деньги, — сказал Гаррисон, — это то, что мы используем для упрощения торговли. Их печатают. Что-то вроде документированных обов различного достоинства в письменном виде.

— Понятно. Отсюда можно сделать вывод, что людям, которые письменно документируют каждый об, доверять нельзя, потому что они сами себе не доверяют. — Добравшись до своего высокого табурета, Джефф плюхнулся на него. Дышал он хрипло и тяжело. — Это подтверждает все, чему нас учили в школе: антиганд надует и собственную мать.

— В ваших школах учили неправильно, — заверил его Гаррисон.

— Может, и неправильно. — Джефф не считал нужным спорить на эту тему. — Но мы будем осторожными, пока не убедимся в обратном. — Он еще раз окинул их взглядом. — Ну ладно, вам-то двоим чего надо?

— Совета, — быстренько вклинился в разговор Глид. — Где можно лучше всего поесть и повеселиться?

— А времени у вас много?

— До завтрашнего вечера.

— Ничего не выйдет. — Джефф печально покачал головой. — За это время вы только и успеете заработать достаточное количество обов на то, что вас интересует. К тому же немного найдется желающих дать антигандам иметь на себя об.

— Слушай, — сказал Гаррисон, — но можем мы заработать хоть на приличный обед?

— Не знаю. — Джефф подумал над вопросом, потирая свои подбородки. — Может, вы и пристроитесь, но я вам на этот раз помочь не сумею. Мне от вас сейчас ничего не надо, так что ни один из обов, которые я имею на других, я вам передать не могу.

— Посоветуй нам, как быть.

— Если бы вы были местные — дело другое. Вы бы могли получить все, что вам нужно, прямо сейчас за долгосрочные обы, которые вы бы погасили в будущем при первой же возможности. Но кто же даст кредит антиганду, который сегодня здесь, а завтра весь вышел?

— Полегче насчет «весь вышел», — посоветовал Глид. — Если сюда прибыл имперский посол, то это значит, что мы пришли на веки вечные.

— Кто это сказал?

— Империя. Ваша планета — часть Империи.

— Нет, — сказал Джефф. — Не были мы ничьей частью и не будем. Более того, мы и не дадим никому сделать нас своей частью.

Глид облокотился на прилавок и рассеянно уставился на большую банку свинины.

— Поскольку я не в мундире и вне строя, я тебе сочувствую, хотя и не должен этого говорить. Мне и самому бы не понравилось, если бы мною стали править чужеземные чинуши. Но вам, ребята, от нас не отделаться. Такие вот дела.

— Ты так говоришь, потому что не знаешь, чем мы располагаем. — Джефф казался очень уверенным в себе.

— Да чем вы можете располагать? — фыркнул сержант Глид тоном скорее дружески-критическим, чем открыто презрительным. Он обернулся к Гаррисону. — Как ты думаешь?

— Кажется, ничем.

— Не судите поверхностно, — посоветовал Джефф. — До того, что у нас есть, вам никогда не додуматься.

— Например?

— Для начала могу тебе сказать, что мы обладаем самым могущественным оружием, изобретенным когда-либо. Мы — ганды, понял? Поэтому мы не нуждаемся в кораблях, пушках и прочих игрушках. Наше оружие эффективнее. От него нет никакой защиты.

— Хотел бы я его увидеть, — бросил перчатку Глид. За сведения о новом сверхмощном оружии можно получить намного больше, чем за адрес мэра. Грейдер за такое дело отвалит тысяч пять, не меньше. Не без сарказма он добавил: — Но, конечно, ты не можешь выдать военную тайну.

— Никакой тайны здесь нет, — спокойно ответил Джефф. — Можешь получить наше оружие за так, когда пожелаешь. Попроси только, тебе его любой ганд отдаст. Хочешь знать, почему?

— Еще бы.

— Потому что это оружие одностороннего действия. Против вас мы его использовать можем. А вы против нас — нет.

— Такого не бывает. Невозможно изобрести оружие, которым человек не сможет воспользоваться, если заполучит его в руки и будет знать, как с ним обращаться.

— Ты в этом уверен?

— Абсолютно, — без всякого сомнения сказал сержант. — Я уже двадцать лет в десантных войсках, а в них какое только оружие не освоишь! От луков до водородных бомб. Тебе меня не провести. Оружия одностороннего действия просто не может быть в природе.

— Не спорь с ним, — сказал Гаррисон Бэйнсу. — Он никогда ничему не верит, пока не убедится собственными глазами.

— Оно и видно. — Лицо Джеффа расплзлось в медленной ухмылке. — Я ведь тебе сказал, что ты можешь получить наше чудо-оружие, если попросишь. Что же ты не прошишь его?

— Хорошо, я прошу, — сказал Глид без особого энтузиазма. Оружие, которое демонстрировалось по первому требованию и за которое не приходилось отрабатывать даже самый пустяковый об, вряд ли уж было таким могучим. Воображаемые пять тысяч кредитов съезжились до пяти, а потом до нуля. — Дай мне испытать его.

Тяжело повернувшись вместе с табуретом, Джефф протянул руку, снял со стены маленькую сверкающую плашку и протянул ее через прилавок.

— Можешь взять себе. Надеюсь, пойдет на пользу.

Глид повертел плашку в пальцах. Всего-навсего продолговатый кусочек вещества, напоминающего слоновую кость. С одной стороны гладко полированный. На другой стороне выбиты три буквы: «С — Н. Т.».

Глид спросил обескураженно:

— И это ты называешь оружием?

— Конечно.

— Ничего не понимаю. — Сержант передал плашку Гаррисону. — А ты?

— Я тоже, — Гаррисон внимательно осмотрел плашку и спросил Бэйнса: — Что означает «С — Н. Т.»?

— Всеобщий лозунг. Вы его повсюду увидите, если не замечали еще.

— Я его встречал несколько раз, но не придавал ему значения. Теперь припоминаю: эти буквы были написаны на стене в рестораничке Сета и у входа в пожарное депо.

— И на бортах автобуса, из которого мы не смогли вытряхнуть пассажиров, — добавил Глид. — Только мы не поняли, что это значит.

— Это очень много значит, — ответил Джефф. — Это значит: «Свобода — Нет и Точка».

— Я убит, — заявил ему Глид. — Убит наповал.

Он посмотрел на Гаррисона, который с задумчивым видом засовывал плашку в карман.

— Абракадабра какая-то. Тоже мне, оружие!

— Блажен неведающий, — заметил уверенный в себе Бэйнс. — Особенно когда и не подозревает, что играет с детонатором бомбы неизвестного устройства.

— Ладно, — поймал его на слове Глид. — Объясни нам, как она устроена.

— Нет, и точка. — Лицо Бэйнса снова расплылось в ухмылке. Он явно был чем-то доволен.

— Хорошая помощь. — Глид чувствовал себя обманутым, особенно из-за минутного упоения воображаемыми пятью тысячами. — Нахвастал каким-то оружием одностороннего действия, сунул кусок какого-то барахла с тремя буквами и замолк. Наболтать каждый может. А доказательства где?

— Не будет доказательств, и точка, — сказал Бэйнс, ухмыляясь еще шире. Его жирная бровь многозначительно мигнула следящему за разговором Гаррисону.

Гаррисона вдруг осенило. Раскрыв в изумлении рот, он вынул плашку из кармана и уставился на нее, как будто до этого вообще не видел.

— Отдай мне ее обратно, — потребовал Бэйнс, наблюдая за ним.

Засунув плашку обратно в карман, Гаррисон твердо ответил:

— Нет, и точка.

Бэйнс прищелкнул языком:

— Одни соображают быстрее, чем другие.

Глиду это замечание явно не понравилось. Он протянул руку к Гаррисону.

— Дай-ка мне еще раз взглянуть.

— Нет, и точка, — ответил Гаррисон, глядя ему прямо в глаза.

— Слушай, так не... — Внезапно негодующие нотки исчезли из его голоса. Он замер на месте, по слегка остекленевшим глазам было видно, что голова у него идет кругом. Потом он прошептал: — Черт возьми.

— Вот именно, — одобрительно буркнул Бэйнс. — Долго ты раскачивался.

Ошеломленный потоком обрушившихся на него вольнодумных мыслей, Глид хрипло сказал Гаррисону:

— Уйдем отсюда. Мне надо подумать. Давай найдем какое-нибудь спокойное местечко.

Неподалеку они нашли скверик со скамейками, газончиками и цветами, в котором у фонтана играли ребяташки. Сев напротив лужайки с непривычно яркими для земного глаза цветами, оба погрузились в раздумья.

Через некоторое время Глид сказал:

— Если один человек будет так вести себя, ему обеспечен мученический венец, но если всем миром... — Голос его дрогнул, но он продолжал говорить: — Когда я думаю, к чему это может привести, у меня сердце екает.

Гаррисон хранил молчание.

— Вот тебе пример, — продолжал Глид. — Предположим, я возвращаюсь на корабль, и этот рыкающий носорог Бидворси отдает мне приказ. А я ему отвечаю, не моргнув глазом: «Нет, и точка». Тут либо его кондрашка хватит, либо он меня бросит в карцер.

— То-то тебе будет здорово!

— Да подожди, я же не кончил еще. Так вот, я сижу в карцере, но работа-то остается несделанной. Значит, Бидворси приказывает кому-то другому. А другой, будучи со мной заодно, смотрит на него ледяным взглядом и отвечает: «Нет, и точка». Его тоже бросают в карцер, и у меня появляется компания. Бидворси отдает приказ следующему. Повторяется та же история. В карцер влезает только двадцать человек. Значит, им придется теперь сажать арестованных в инженерскую столовую.

— При чем здесь наша столовая? — запротестовал Гаррисон.

— Именно в столовую, — стоял на своем Глид, преисполненный решимости покарать инженеров. — Скоро и она будет битком набита отказчиками. А Бидворси продолжает их сажать одного за другим, если только у него к этому времени сосуды не полопаются. Следующую партию придется запирать в инженерский кубрик.

— Да чего ты привязался к инженерам?

— Их там придется штабелями укладывать до самого потолка, — сказал не без садистского удовольствия Глид. — А кончится все это тем, что придется Бидворси самому взять ведро и швабру и драить медяшки, пока Грейдер, Шелтон и вся остальная братия будут караулить карцеры. А его пузатое превосходительство и его блюдолизы попрутся на камбуз стряпать арестантам обед. — Глид перевел дух и добавил: — Вот это да!

К ногам его подкатился цветастый мяч. Глид наклонился и подобрал его. Тут же подбежал мальчишка лет семи.

— Отдайте, пожалуйста, мой мяч.

— Нет, и точка, — ответил Глид.

Никакого протеста, никакого гнева, никаких слез. Мальчик просто разочарованно отвернулся и пошел прочь.

— Эй, сынок, держи. — Глид бросил ему мяч.

— Спасибо, — схватив мяч, мальчишка убежал.

Гаррисон сказал:

— Что произойдет, если каждый гражданин империи на всей ее территории от Прометея до Кальдора, на всех ее 1800 световых годах космического пространства разорвет полученное им извещение об уплате подоходного налога и скажет: «Нет, и точка!»? Что случится тогда?

— Тогда правительству потребуется еще одна вселенная для карцера и другая для караульных.

— Начнется хаос, — продолжал Гаррисон. Он кивнул на фонтан и на играющих около него детей. — Но непохоже, чтобы здесь у них был хаос. Я, во всяком случае, этого не замечаю. Отсюда можно сделать вывод, что они не перебарщивают с этим бескомпромиссным отказом. Они применяют его рассудительно, на основании какого-то общепринятого соглашения. Но что это за соглашение — не пойму, хоть убей.

— И я тоже.

Пожилой человек остановился у их скамейки, посмотрел на них, колеблясь, потом решил обратиться к проходившему мимо юноше:

— Не скажете, где остановка роллера на Мартинстаун?

— В конце Восьмой улицы. Отходит каждый час. Перед отъездом вам прикуют конечности.

— Конечности? — Старик поднял недоуменно брови. — Это еще зачем?

— Этот маршрут проходит мимо корабля антигандов. Они могут попытаться вытащить вас из машин.

— Да-да, конечно, — проходя мимо Глида и Гаррисона, он окинул их взглядом и сказал: — Эти антиганды такие зануды!

— Это уж точно, — поддержал его Глид. — Им говорят: «Убирайтесь», а они отвечают: «Нет, и точка».

Пожилой джентльмен сбился с ноги, странно посмотрел на него и скрылся за углом.

— Они все-таки замечают наш акцент, — сказал Гаррисон. — Хотя, когда я обедал в тот раз у Сета, никто на это внимания не обратил.

— Где удалось поесть один раз, — неожиданно оживился Глид, — можно попробовать и другой. Что мы теряем?

— Ничего, кроме терпения, — ответил Гаррисон и поднялся со скамейки. — Попытаем счастья у Сета. Не получится, пойдем куда-нибудь еще. А если нигде не получится, то успеем похудеть, прежде чем помрем голодной смертью.

— Похоже, что именно до этого они нас и хотят довести, — ответил Глид. Потом проворчал: — Но они добьются своего только через мой труп.

— Именно так, — согласился Гаррисон, — только через твой труп.

* * *

С салфеткой через руку подошел Мэтт.

— Антигандов я не обслуживаю.

— Но в прошлый раз ты меня обслужил, — сказал Гаррисон.

— Тогда я не знал, что ты с того корабля. Зато теперь знаю! — Он смахнул салфеткой крошки со стола. — Антигандов я не обслуживаю.

— А нет другого места, где мы бы могли пообедать?

— Если вам удастся обязать кого-нибудь. Никто, конечно, этого не сделает, если поймет, кто вы, разве что ошибется, как я ошибся в прошлый раз. Но я два раза подряд ошибок не делаю.

— Как раз сейчас и делаешь, — сказал жестким командным голосом Глид. Он толкнул Гаррисона локтем. — Смотри. — И выхватил из кармана маленький бластер. Направив его Мэтту в живот, он продолжал: — В нормальной обстановке меня отдали бы за это под суд, но сейчас начальство вряд ли расположено поднимать шум из-за этих двуногих ослов. — Он значительно повел оружием. — Ну живо тащи нам две порции.

— Нет, и точка, — выпятив челюсть и не обращая внимания на бластер, ответил Мэтт.

Глид щелкнул предохранителем.

— Учти, он сейчас от кашля сработать может. Шевелись!

— Нет, и точка, — ответил Мэтт.

Глид с отвращением сунул бластер обратно в карман.

— Я просто тебя пугал. Он не заряжен.

— Заряжен или незаряжен, значения не имеет. Антигандов я не обслуживаю, и точка.

— А если бы я психанул и всадил в тебя полный заряд?

— А как бы я тогда мог тебя обслужить? Что с мертвеца возьмешь? Пора бы вам, антигандам, поучиться логике.

Выпустив эту последнюю стрелу, он ушел.

— Что-то в этом есть, — сказал Гаррисон уныло. — Что ты сделаешь с мертвецом? Над ним ты не властен.

— Не скажи. Вид нескольких трупов может привести остальных в чувство. Сразу забегают.

— Ты рассуждаешь по-земному, — сказал Гаррисон. — Это неправильно. Как ни крути, они давно уже не земляне. Они — ганды, хоть я и не понимаю, что они под этим имеют в виду. — Он задумался, потом добавил: — Создание Империи привело к образу мышления, согласно которому Терра неизменно права, в то время как остальные шестнадцать тысяч сорок две планеты неизменно не правы.

— От твоих разговорчиков мятежом попахивает.

Гаррисон не ответил. Глид, заметив, что внимание собеседника отвлечено чем-то другим, оглядел комнату и увидел только что вошедшую брюнетку.

— Хороша, — одобрил сержант. — Не слишком юна, не слишком стара. Не слишком толста, не слишком худя. В самый раз.

— Я с ней уже знаком.

Гаррисон помахал ей в знак приветствия. Она подошла легкой походкой и села за их стол. Гаррисон представил:

— Мой друг сержант Глид.

— Артур, — поправил его Глид, пожирая брюнетку взглядом.

— Меня зовут Илисса. А что такое «сержант»?

— Вроде шишки на ровном месте. Я только передаю парням приказы, кому что делать.

Ее глаза широко раскрылись.

— Неужели люди действительно позволяют другим людям указывать себе, что им делать и как?

— Разумеется. Как же иначе?

— Мне это кажется диким. — Девушка перевела взгляд на Гаррисона. — А твоего имени я так и не узнаю?

— Джим.

— Мэтт подходил к вам?

— Да. И отказался нас обслуживать.

Она передернула полными плечиками.

— Это его право. Каждый человек имеет право отказаться. На то и свобода.

— У нас такая свобода называется бунтом.

— Не будь ребенком, — упрекнула девушка инженера и поднялась со стула. — Подождите здесь. Я пойду поговорю с Сетом.

— Ничего не понимаю, — сказал Глид, когда Илисса отошла. — Судя по тому, что говорил толстяк в лавке, нас все должны игнорировать, пока мы не дадим деру с тоски. Но эта дамочка ведет себя дружелюбно. Она не ганд.

— Ошибаешься, — возразил Гаррисон. — Она просто пользуется своим правом сказать: «Нет, и точка».

— Верно! Я об этом и не подумал. Они могут его применить, как им нравится.

— Конечно, — инженер снизил голос. — Тихо, она идет обратно.

Сев снова за столик, девушка поправила прическу и сказала:

— Сет лично вас обслужит.

— Еще один предатель, — усмехнулся Глид.

— Но с условием, — продолжала она, — что вы оба поговорите с ним перед уходом.

— Цена подходящая, — решил Гаррисон. — Но это значит, что тебе придется погашать обед за нас троих своими обами?

— Нет, только за себя.

— Как так?

— У Сета свои соображения. Он такого же мнения об антигандах, как и все остальные, но обладает склонностью к миссионерству. Он не согласен с тем, что всех антигандов нужно игнорировать. По его мнению, так можно относиться только к слишком глупым и упрямым, кого не перевоспитаешь. Сет уверен, что каждый разумный антиганд является потенциальным гандом.

— Да что это такое «ганд»? — спросил Гаррисон.

— Обитатель нашего мира.

— Но от чего происходит это слово?

— От имени Ганди.

Гаррисон наморщил лоб.

— Это еще кто?

— Человек, который изобрел Оружие.

— Никогда о нем и не слышал.

— Меня это не удивляет, — заметила Илисса.

— Не удивляет? — Гаррисон почувствовал раздражение. — Позволь тебе заметить, что в наше время на Terre все получают такое образование...

— Успокойся, Джим. Я просто хотела сказать, что это имя наверняка вычеркнуто из ваших учебников истории. Оно могла вызвать у вас нежелательные настроения. Поэтому меня и не удивляет, что ты о нем не слышал. Не можешь же ты знать того, чему тебя никогда не учили.

— Если ты подразумеваешь, что на Terre история подвергается цензуре, то я в это не верю.

— Это твое право, верить или нет. На то и свобода.

— До известной степени. У человека есть обязанности, отказываться от которых он не имеет права.

— Да? А кто определяет ему эти обязанности — он сам или другие?

— По большей части люди, стоящие выше его.

— Ни один человек не может стоять выше другого. Ни один человек не имеет права указывать другому, в чем состоят его обязанности. Если на Terre кто-то обладает подобной идиотской властью, то только потому, что идиоты это ему позволяют. Они боятся свободы. Они предпочитают получить указания. Они любят выполнять приказы. Ну и люди!

— Мне бы не следовало тебя слушать, — вмешался в разговор Глид. Его дубленое лицо горело. — Ты настолько вредная, насколько хорошенькая.

— Боишься своих собственных мыслей, — уколола она, подчеркнуто игнорируя комплимент.

Глид покраснел еще больше.

— Никогда в жизни. Но я...

Он не договорил, потому что появился Сет и поставил на стол три полные тарелки.

— После обеда поговорим, — напомнил Сет. — Мне вам надо кое-что сказать.

Сет подсел к их столику, как только они кончили есть.

— Что вы уже знаете?

— Они уже знают достаточно, чтобы поспорить, — встала Илисса. — Они беспокоятся об обязанностях, о том, кто их определяет и кто выполняет.

— И не без оснований, — парировал Гаррисон. — Вы ведь тоже не можете этого избежать.

— То есть? — спросил Сет.

— Ваш мир держится на какой-то странной системе обмена обязательствами. Но что заставит человека гасить об, если он не будет это считать своим долгом?

— Долг здесь ни при чем, — ответил Сет. — А если и возникает вопрос о долге, то каждый определяет его для себя сам. Было бы в высшей степени возмутительной наглостью со стороны одного человека напоминать об этом другому, а одному приказывать другому — просто неслыханно.

— Так можно очень хорошо устроиться, — перебил его Глид. — Как вы справитесь с гражданином, у которого совсем нет совести?

— Проще пареной репы.

— Расскажи им сказочку о Ленивом Джеке, — предложила Илисса.

— Это детская сказочка, — пояснил Сет. — Ее все детишки наизусть знают. Классика вроде как... как... — Он сморщил лоб. — Совсем забыл сказки, которые привезли пионеры.

— Красная Шапочка, — подсказал Гаррисон.

— Вот-вот, — благодарно кивнул Сет.

Он провел языком по губам и начал рассказ:

— Этого Ленивого Джека привезли сюда с Терры ребенком, он вырос в нашем новом мире, изучил нашу экономическую систему и решил, что он всех перехитрит. Он решил стать хапугой. Мы так называем тех, кто хватает обы и пальцем не шевелит, чтобы их погасить или дать другим иметь об на себя. Человек, который брать берет, а давать не хочет. Ну так вот, до шестнадцати лет это ему сходило с рук. Он ведь был ребенком. А у детей всегда есть к этому склонность. Мы это понимаем и делаем определенные скидки. Но после шестнадцати он влип.

— Каким образом? — спросил Гаррисон, которого сказочка заинтересовала больше, чем он хотел показать.

— Он хапал все, что попадалось под руку. Еду, одежду. А городки у нас небольшие, в них все друг друга знают. Месяца через три Джек стал известен как самый настоящий хапуга. И куда бы он ни пришел, везде получал отказ. Ни еды, ни крова, ни друзей. Проголодавшись, он вломился ночью в чью-то кладовую и в первый раз за неделю поел по-человечески.

— И как его наказали за это?

— А никак. Ничего ему не сделали.

— Но безнаказанность наверняка только поощрила его.

— Да нет, — усмехнулся Сет. — Люди просто стали все запираить. В конце концов ему пришлось перебраться в другой город.

— Чтобы там начать все сначала, — сказал Гаррисон.

— На некоторое время... А потом пришлось перебираться в третий город, в четвертый, в двадцатый. Он был слишком упрям, чтобы делать выводы.

— Но ведь он устроился, — сказал Гаррисон. — Брал все, что надо, и передвигался с места на место.

— Не совсем. Городки у нас, как я говорил, маленькие. Люди часто ездят друг к другу в гости. Все всё знают. — Сет перегнулся через стол и сказал выразительно: — До двадцати лет Джек кое-как протянул, а затем...

— Затем?

— Он пытался прожить некоторое время в лесу на подножном корму. А потом его нашли висящим на дереве. Одиночество и презрение к самому себе погубили его. Вот что случилось с Ленивым Джеком, хапугой.

— У нас на Терре людей за лень не вешают, — сказал Глид.

— У нас тоже. Им предоставляют свободу сделать это самим. — Сет обвел собеседников пронизательным взглядом и

продолжал: — Но пусть вас это не беспокоит. За всю мою жизнь я не припомню, чтобы случилось что-либо подобное. Люди уважают свои обязательства в силу экономической необходимости, а не из чувства долга. Никто никому не приказывает, никто никого не заставляет, но сам по себе образ жизни на нашей планете содержит в себе определенное принуждение. Либо будешь играть по правилам, либо пострадаешь. А страдать никому не хочется, даже дуракам.

— Похоже, что ты прав, — вставил Гаррисон, ум которого в эту минуту напряженно упражнял свои способности.

— Не похоже, а наверняка, — заверил его Сет. — Но я хотел с вами поговорить о более важном. Скажите, чего вы хотите больше всего в жизни?

Не задумываясь, Глид ответил:

— Путешествовать по космосу, оставаясь целым и невредимым.

— И я тоже, — сказал Гаррисон.

— Так я и думал. Но вы не можете остаться во флоте на веки вечные. Все рано или поздно приходит к концу. Что потом?

Гаррисон заерзал обеспокоенно.

— Я не люблю об этом думать.

— Но ведь рано или поздно придется, — сказал Сет. — Сколько тебе осталось летать?

— Четыре с половиной года.

Сет перевел взгляд на Глида.

— А мне три.

— Немного, — заметил Сет. — Значит, когда вы доберетесь обратно до Терры, для вас это будет концом пути?

— Для меня — да, — признался Глид, которому эта мысль никакой радости не доставляла.

— Чем старше становишься, тем быстрее бежит время. Однако ты будешь еще относительно молод, когда уйдешь в отставку. Ты, наверно, приобретешь собственный корабль и будешь продолжать путешествовать по космосу?

— Откуда? Даже самые богатые не смогут себе позволить больше, чем лунный катер. Но болтаться между Землей и спутником скучно для того, кто привык к глубокому космосу. А двигатель Блидера по карману только правительству.

— И что же ты будешь делать после увольнения?

— Я не такой, как Большие Уши, — ткнул пальцем в Гаррисона Глид, — я солдат, а не специалист. У меня выбор ограничен. Но я родился и вырос на ферме. Я еще помню фермерскую работу. Хорошо бы осесть и обзавестись маленьким хозяйством.

— Это возможно? — спросил Сет, внимательно глядя на него.

— На какой-нибудь из развивающихся планет, но не на Терре. Для Терры мне и половины суммы не наскрести.

— Вот, значит, как Терра вознаграждает за годы верной службы! Либо забудь о своей сокровенной мечте, либо выметайся?

— Заткнись.

— Не заткнись, и точка. Как ты думаешь, почему ганды эмигрировали на эту планету, духоборы на Хайгею, а квакеры на Центавр Б? Потому что Терра так награждала своих верноподданных — либо гни шею, либо выметайся. Вот мы и вымелись.

— Оно и к лучшему, — вставила Илисса. — Избавили Терру от перенаселения.

— Это к делу не относится, — ответил Сет и вернулся к Глиду. — Ты хочешь ферму. Хочешь ее на Терре, но получить ее там не можешь. Терра говорит тебе: «Выметайся». Значит, тебе нужно искать ферму где-то в другом месте. А здесь ты можешь получить ферму просто за так. — Он выразительно щелкнул пальцами.

— Меня не обманешь, — ответил Глид, хотя по лицу его было видно, что ему очень хочется быть обманутым. — За так не бывает.

— На нашей планете земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает. Пока человек продолжает на ней работать, никто не оспаривает его права на этот участок. Все, что тебе нужно, — найти свободный участок, а их здесь сколько хочешь, и начать работать на нем. С этой минуты он твой. Как только ты перестанешь на нем работать и покинешь его, он принадлежит кому угодно.

— Святые метеоры! — Глид уставился на него неверящим взглядом.

— Более того, если тебе повезет, можешь наткнуться на брошенную ферму, которую оставили из-за болезни, смерти или желания перебраться куда-нибудь, где подвернулось что-то поинтереснее. В таком случае тебе достанется готовая ферма с сараями, коровниками и всем хозяйством.

— А что я буду должен предыдущему владельцу?

— Ничего. Ни единого оба. С какой стати? Если он ушел оттуда, то он рассчитывает на что-то лучшее. Не может же он пользоваться выгодами и от одного и от другого.

— Бессмыслица какая-то. Где-то здесь ловушка. Кому-то мне придется выкладывать на бочку либо деньги, либо кучу обов.

— Несомненно. Ты заводишь ферму. Соседи помогают тебе построить дом. Это накладывает на тебя солидные обы. Будешь, к примеру, два года снабжать плотника и его семью продуктами с фермы и погасишь об. А потом будешь поставлять ему продукты еще два года и тем самым будешь иметь об на него. И так со всеми остальными.

— Но не всем же нужны сельскохозяйственные продукты.

— Ну и что? Вот, к примеру, жестянщик сделал для тебя маслобойку. Продукты ему не нужны. Его жена и трое дочерей на диете, и одна только мысль о еде приводит их в ужас. Но у него есть портной или сапожник, которые имеют на него обы. Он переводит эти обы на тебя. Поставляя продукты портному или сапожнику, ты погасишь об жестянщику. И все довольны.

Насупившись, Глид разжевывал услышанное.

— Ты меня подстрекаешь. Не следовало бы делать этого. Попытка подстрекательства к дезертирству является на Терре уголовным преступлением и сурово наказывается.

— Так то на Терре, — сказал Сет презрительно.

— Все, что вам надо сделать, — мило и убедительно вставила Илисса, — это объяснить себе, что пора возвращаться на корабль, что это ваш долг, что ни на корабле, ни на Терре без вас не обойдутся. — Она поправила кудряшку. — А потом стать свободной личностью и сказать: «Нет, и точка!»

— С меня за это с живого шкуру спустят. Под личным руководством Бидворси.

— Вряд ли, — усомнился Сет. — Этот Бидворси, который мне кажется человеком отнюдь не жизнерадостным, находится в таком же положении, как и ты, и все остальные: на распутье. Рано или поздно он либо во всю прыть уберется отсюда, либо будет в своем грузовичке доставлять тебе на ферму молоко, потому что в глубине души ему всегда хотелось заниматься именно этим.

— Ты его не знаешь, — хмуро буркнул Глид. — У него вместо сердца кусок ржавого железа.

— Занятно, — взглянул на него Гаррисон, — я всегда думал то же самое о тебе, вплоть до сегодняшнего дня.

— Я сейчас не на службе, — ответил Глид, как будто такой ответ все объяснял.

Он встал и сжал челюсти.

— Но я возвращаюсь на корабль. Прямо сейчас.

— У тебя увольнение до завтрашнего вечера, — запротестовал Гаррисон.

— Возможно. Но я вернусь сейчас.

Илисса открыла рот, но тут же закрыла, потому что Сет толкнул ее. Они сидели молча и смотрели, как Глид выходил за дверь решительной походкой.

— Это хороший знак, — сказал Сет со странной уверенностью в голосе. — Задели его за живое. — Потом повернулся к Гаррисону. — А у тебя какое главное желание в жизни?

— Спасибо за еду. — Гаррисон, явно обеспокоенный, поднялся со стула. — Постараюсь догнать его. Если он пошел на корабль, мне, пожалуй, тоже лучше вернуться.

Опять Сет остановил Илиссу. Оба хранили молчание, пока Гаррисон выходил на улицу, аккуратно затворяя за собой дверь.

— Бараны, — сказала непонятно чем опечаленная Илисса. — Один за другим, ну прямо стадо баранов.

— Нет, — возразил Сет, — это люди, движимые теми же мыслями и чувствами, что и наши предки, которые баранами отнюдь не были. — Повернувшись в кресле, он крикнул Мэту: — Принеси нам два шемака! — Потом сказал Илиссе: — Сдается мне, что этому кораблю не поздоровится, если он здесь задержится.

Динамик внутренней сигнализации рывкнул:

— Гаррисон, Глид, Грегори... — и так далее в алфавитном порядке.

В коридорах и на палубах разговаривали между собой вернувшиеся из увольнения.

— Ни единого слова ни от кого не добьешься, кроме «зассд». Просто осточертело!

— Надо было разделиться, как мы. Там, в цирке, на окраине никто про нас и знать не знал. Я просто вошел и сел.

— Слышал про Майка? Он починил крышу, взял в уплату бутылку двойного дуса и нажрался. Был в полной отключке, когда его нашли. Пришлось тащить его обратно на себе.

— Везет же некоторым. А нас отовсюду гнали.

— Так я ж и говорю, что надо было разделиться.

— Половина увольнения, наверное, все еще валяется по канavam.

— Грейдер психанет, когда узнает, что столько народа опоздало.

Каждую минуту старпом Морган выходил в коридор и выкрикивал одну из фамилий, только что объявленных по радио. По большей части никто не отзывался.

— Гаррисон! — завопил он.

Гаррисон вошел в навигаторскую с недоуменным выражением на лице.

Его превосходительство расхаживал взад и вперед, бормоча в свои подбородки: «Всего пять дней, а разложение уже началось». Резко повернувшись к вошедшему Гаррисону, он выпалил:

— А, это вы, сударь! Давно вернулись из увольнения?

— Позапрошлым вечером, сэр.

— Досрочно, не так ли? Это интересно. Прокололи шину?

— Никак нет, сэр. Я велосипед не брал.

— Тоже неплохо. Если бы вы его взяли, вы были бы уже за тысячу миль отсюда.

— Почему, сэр?

— Почему? Он меня спрашивает, почему? Да я именно это и хочу знать — почему? Вы в городе были один или с кем-нибудь?

— С сержантом Глидом, сэр.

— Вызвать его, — приказал посол.

Морган послушно открыл дверь и позвал:

— Глид! Глид!

Ответа не последовало. Он попробовал еще раз, но безрезультатно. Потом опять вызвал Глида по радио. Сержант Глид исчез.

— Он отменился, когда возвращался?

Капитан Грейдер сверился с лежащим перед ним списком.

— Вернулся на двадцать четыре часа раньше срока. Видимо, выскользнул со второй группой, не отметившись. Это двойное преступление.

Морган вернулся в навигаторскую.

— Ваше превосходительство, один из десантников видел сержанта Глида в городе совсем недавно.

— Вызвать этого солдата. — Его превосходительство повернулся к Гаррисону. — А вы стойте, где стоите, и постарайтесь не хлопать своими чертовыми ушами. Я с вами еще не кончил.

Вошел испуганный таким обилием начальства солдат и вытянулся по стойке «смирно».

— Что вам известно о сержанте Глиде? — потребовал посл.

Солдат облизал губы, явно сожалея, что вообще ляпнул о встрече с Глидом.

— В общем, ваше благородие, я...

— Называйте меня «сэр».

— Есть, сэр. Я пошел в увольнение со второй группой рано утром, но через пару часов решил вернуться, потому что брюхо схватило. На обратном пути я встретил сержанта Глида и с ним разговаривал.

— Где? Когда?

— В городе, сэр. Он сидел в одной из этих ихних междугородных колымаг. Мне это сразу показалось странным.

— Он вам что-нибудь говорил?

— Немного, сэр. Он был в возбужденном состоянии. Кто-то ему что-то сказал о молодой вдове, которой трудно управиться с участком в двести акров. Он решил поехать посмотреть.

— Ваш человек, — сказал послол полковнику Шелтону. — Вроде бы дисциплинированный, с выслугой лет, тремя нашивками, с пенсией на носу. — Он снова повернулся к солдату. — Глид сказал, куда именно он едет?

— Никак нет, сэр. Я спрашивал, но он только усмехнулся и сказал: «Зассд».

— Хорошо, можете идти. — Его превосходительство возобновил разговор с Гаррисоном: — Вы были в первой группе?

— Так точно, сэр.

— Позвольте вам сообщить кое-что, сударь. Из четырехсот двадцати человек вернулись только двести. Сорок из них в различных стадиях алкогольного опьянения. Десять сидят в карцере и вопят: «Нет, и точка!» Без сомнения, они будут орать, пока не протрезвеют.

Он уставился на Гаррисона так, как будто эта достойная личность была виновата в происходящем, затем продолжал:

— В этом есть что-то парадоксальное. Пьяных я могу понять. Всегда найдутся несколько человек, которые, сойдя с корабля, первым делом налижуются в стельку. Но из двух сотен, соизволивших вернуться, почти половина вернулась раньше времени, как и вы. И все давали примерно одинаковые объяснения: местные относились к ним недружелюбно, игнорировали их.

Гаррисон ничего не сказал.

— Итак, налицо две крайности. Одни с отвращением возвращаются на корабль, а другие находят туземный городок

настолько гостеприимным, что набираются до бровей какой-то дрянью, именуемой двойным дисом, или дезертируют совершенно трезвыми. Есть же какое-то объяснение всему этому? Вот вы были в городе два раза. Что вы можете сказать?

Гаррисон осторожно ответил:

— Все зависит от того, признают они нас или нет. А также от того, на какого ганда вы наткнетесь: есть такие, которые попытаются обратить вас в свою веру вместо того, чтобы игнорировать. Многих наших выдает униформа.

— У них что, аллергия к униформам?

— Более или менее, сэр.

— А почему?

— Не могу сказать точно, сэр. Я о них не так уж много знаю. Думаю, потому, что униформа у них ассоциируется с тем режимом на Терре, от которого бежали их предки.

— А у них никто униформы не носит?

— Не замечал. Им, по-моему, доставляет удовольствие выражать свое «я», одеваясь и украшаясь на любой лад — от косичек до розовых сапог. Странности во внешнем виде у гандов — норма. А униформа им кажется ненормальной, они ее считают проявлением угнетения.

— Вы их все время именуете гандами. Откуда взялось это слово?

Гаррисон объяснил, возвращаясь при этом мыслями к Илиссе и к ресторанчику Сета с накрытыми столами, с баром за стойкой, с вкусными запахами из кухни. Сейчас, вспоминая это место, он понимал, что там было что-то неуловимое, но очень важное, чего никогда не было на корабле.

— И этот человек, — закончил он, — изобрел то, что они называют «оружием».

— И они утверждают, что он был землянином? А как он выглядит? Вы видели его портреты или памятники ему?

— Они не воздвигают памятников, сэр. Они говорят, что ни один человек не может быть выше другого.

— Чушь собачья, — отрубил посол. — Вам не пришло в голову осведомиться, в какой период истории проводились испытания этого чудо-оружия?

— Никак нет, сэр, — сознался Гаррисон. — Я не придал этому значения.

— Конечно, куда вам. Я не ставлю под сомнение ваши качества космонавта, но как разведчик вы ни к черту не годитесь.

— Прошу извинить, сэр, — ответил Гаррисон.

«Извинить? Ты ничтожество, — прошептал голос в его душе. — За что ты просишь прощения? И у кого? Это всего лишь помпезный толстяк, которому в жизни не погасить ни одного оба, как бы он ни старался. Чем он тебя лучше? Тем, что у него бочкообразное брюхо? И перед этой бочкой ты вытягиваешься и лепечешь: «Простите, сэр, извините, сэр!» Да попробуй он прокатиться на твоём велосипеде, он свалится, не проехав и десяти ярдов. Плюнь ему в рожу и скажи: «Нет, и точка!» Что же ты струсил?»

— Нет, — громко выпалил Гаррисон.

Капитан Грейдер оторвал глаза от своих бумаг.

— Если вы решили сначала отвечать, а потом выслушивать вопросы, то вам лучше зайти к врачу. Или у нас на борту появился телепат?

— Я думал... — пояснил Гаррисон.

— Это я одобряю, — сказал посол. — Думайте, и побольше. Может быть, это постепенно войдет в привычку. Когда-нибудь вы даже добьетесь того, что этот процесс будет проходить безболезненно.

Он снял с полки толстую книгу.

— Вот он, на этой странице. Жил четыреста семьдесят лет тому назад. Ганди, именуемый Отцом. Основатель системы гражданского неповиновения. Последователи этого учения покинули Терру во время Великого Взрыва.

Гражданское неповиновение, — повторил посол, закатывая глаза. — Но нельзя же использовать его как социальный базис! Такая система просто не сработает!

— Сработала, да еще как, — утверждающе сказал Гаррисон, забыв добавить «сэр».

— Вы возражаете мне?

— Просто констатирую факт.

Посол свирепо впился в него глазами.

— Вы отнюдь не специалист по социально-экономическим проблемам. И зарубите это себе на носу. Любого такого, как вы, ничего не стоит обвести вокруг пальца.

— Система работает, — стоял на своем Гаррисон, удивляясь собственному упрямству.

— Как и ваш идиотский велосипед. У вас образ мышления на уровне велосипеда.

Что-то щелкнуло, и голос, очень похожий на голос Гаррисона, сказал: «Чушь».

— Что?!

— Чушь, — повторил Гаррисон.

Посол потерял дар речи. Встав из-за стола, капитан Грейдер применил свои полномочия:

— Вам запрещается покидать корабль. Убирайтесь отсюда и ждите дальнейших распоряжений.

Гаррисон вышел. Мысли его были в смятении, но в душе он испытывал странное удовлетворение.

Прошло еще четыре долгих, томительных дня. Всего девять со времени посадки на этой планете.

На борту назревали неприятности. Увольнения третьей и четвертой групп постоянно откладывались, что вызывало нарастающее недовольство и раздражение.

* * *

— Морган опять представил третий список, но капитан снова отложил увольнение, хотя и признал, что этот мир нельзя классифицировать как враждебный и что нам положено увольнение.

— Так какого же черта нас не выпускают?

— Предлог все тот же. Он не отменяет увольнение, он только откладывает его. Здорово придумал, а? Говорит, что даст увольнение немедленно, как только вернутся все, кто не пришел из первых двух групп. А они никогда не вернутся.

Претензии были законными и обоснованными. Недели, месяцы, годы заключения в непрерывно дрожащей бутылке неважно какого размера требуют полного расслабления хотя бы на короткое время. Люди нуждаются в свежем воздухе, в твердой земле под ногами, в широких горизонтах, в обильной еде, в женщинах, в новых лицах.

— Только мы сообразили, как здесь надо себя вести, а он уже хочет наострить лыжи. Одевайся в штатское и веди себя как ганд, и все дела. Даже ребята из первого увольнения не прочь попробовать еще раз.

— Грейдер побоится рисковать. Он уже и так многих потерял. Если не вернется еще хотя бы половина следующей группы, у него не хватит людей довести корабль обратно. Застрянем тогда здесь. Что ты на это скажешь?

— А я бы не возражал.

— Пусть обучит чиновников. Хоть раз в жизни займутся честным трудом.

Подошел Гаррисон с маленьким конвертом в руках.

— Смотри, это он уел его превосходительство и остался без берега, прямо как мы.

— Мне так больше нравится, — заметил Гаррисон. — Лучше быть наказанным за что-то, чем ни за что!

— Это ненадолго, вот увидишь. Мы терпеть не намерены. Скоро мы им покажем.

— Как именно?

— Подумать надо, — уклонился его собеседник, не желая раскрывать раньше времени свои карты. Он заметил конверт. — Это что, дневная почта?

— Вот именно.

— Как знаешь, я вовсе не хотел совать нос в чужие дела. Думал, просто что-нибудь еще случилось. Вам, инженерам, все письменные распоряжения обычно поступают в первую очередь.

— Да нет, это действительно почта, — сказал Гаррисон.

— Откуда же это ты получаешь письма?

— Воррал принес из города час назад. Мой приятель угостил его обедом и передал письмо для меня, чтобы он погасил об за обед.

— А как это Ворралу удалось уйти с корабля? Что он, привилегированный?

— Вроде. У него жена и трое детей.

— Так что с того?

— Посол считает, что одним можно доверять больше, чем другим. Когда у человека есть, что терять, он вряд ли уйдет. Поэтому он кое-кого отобрал и послал их в город собрать информацию о пустынях.

— Они что-нибудь выяснили?

— Не очень много. Воррал говорит, что это пустая трата времени. Он нашел там нескольких наших, пытался уговорить их вернуться, но они на все отвечают: «Нет,

и точка». А от местных, кроме «засд», ничего не услышишь.

— Что-то в этом есть, — заметил один из присутствующих. — Хотел бы я сам на это взглянуть.

— Вот этого-то Грейдер и боится.

— Ему скоро многого придется бояться, если он не образумится. Наше терпение иссякает.

— Мятежные речи, — упрекнул его Гаррисон. — Вы меня шокируете.

Он прошел в свою каюту и вскрыл конверт. Почерк мог бы быть и женским, во всяком случае, он надеялся на это. Но письмо было от Глида: «Где я и чем занимаюсь — значения не имеет: письмо может попасть в чужие руки. Скажу тебе одно — все вырисовывается по первому классу, надо только выждать, нужно время для укрепления знакомства. Остальное в этом письме касается тебя. Я тут наткнулся на одного толстячка. Он представитель фабрики, выпускающей эти двухколески с вентилятором. Им нужен постоянный торговый агент фабрики и мастер станции обслуживания. Толстячку уже подали четыре заявления, но ни у одного из желающих нет требуемых технических данных. По условиям тот, кто получит место, имеет на город функциональный об, что бы это ни значило. Так или этак — место это для тебя. Не будь дураком. Прыгай — вода хорошая».

— Святые метеоры! — сказал себе Гаррисон и увидел приписку.

«Адрес получишь у Сета. Этот городишко — родина твоей брUNETки. Она собирается обратно сюда, чтобы жить поближе к своей сестре, и я тоже. Упомянутая сестра — просто душечка».

Гаррисон прочитал письмо еще раз, встал и начал расхаживать по каюте. Потом вышел и, не привлекая к себе внимания, прошел в склад инженеров, где целый час смазывал и чистил свой велосипед. Вернувшись в каюту, он вынул из кармана тонкую плашку и повесил ее на стенку. Потом лег на койку и устался на нее.

«С — Н. Т.».

Динамик системы оповещения кашлянул и сообщил: «Всему личному составу корабля быть готовым к общему инструктажу завтра в восемь ноль-ноль».

— Нет, и точка, — ответил Гаррисон.

* * *

Грейдер, Шелтон, Хейм и, разумеется, его превосходительство собрались в рубке.

— Никогда не думал, — мрачно заметил последний, — что настанет день, когда мне придется признать себя побежденным.

— Со всем должным уважением позволю себе не согласиться, ваше превосходительство, — ответил Грейдер. —

Потерпеть поражение можно от руки врага, но ведь эти люди не враги. Именно на этом мы и попались. Их нельзя классифицировать как врагов.

— И тем не менее это поражение. Как еще назвать? Грейдер пожал плечами.

— Нас перехитрили родственнички. Не драться же дяде с племянниками только потому, что они не желают с ним разговаривать.

— Вы рассуждаете со своей точки зрения. Для вас данная ситуация исчерпывается тем, что вы вернетесь на базу и представите отчет. У меня же положение иное — мое поражение дипломатическое.

— Я не могу брать на себя смелость и рекомендовать наилучший образ действий. На борту моего корабля находятся войска и вооружение для проведения любых полицейских и превентивных операций, которые представляются необходимыми. Но я не могу их применять против гандов, поскольку у меня нет никаких оснований для этого. Более того, одному кораблю не справиться с двенадцатимиллионным населением планеты, для этого потребуется целая эскадра.

— Я это все уже пережевывал, пока меня не затолкнуло.

— Ваше превосходительство, прошу вас сообщить свое решение по возможности скорее. Морган дал мне понять, что, если к десяти часам я не дам третьей группе увольнения, экипаж уйдет в самоволку.

— Это ведь грозит им суровым наказанием?

— Не таким уж суровым. Они заявят в Дисциплинарной комиссии, что я умышленно игнорировал устав. Поскольку формально увольнений я не запрещал, а только лишь откладывал, им это может сойти с рук, если члены комиссии будут в соответствующем настроении.

— Эту комиссию не мешало бы послать пару раз в длительный полет. Они бы узнали кое-что такое, о чем и не слышали за своими канцелярскими столами.

Грейдер подошел к иллюминатору.

— У меня не хватает четырехсот человек. Некоторые из них, возможно, вернутся, но ждать их мы не можем. Задержка приведет к тому, что у меня не хватит людей, чтобы вести корабль. Выход один — отдать приказ о подготовке к взлету. С этого момента корабль будет подчиняться полетному уставу.

— Полагаю, что так, — сказал посланец.

Грейдер взял микрофон.

— Личному составу приготовиться к взлету немедленно! Старший сержант Бидворси! Кто это там стоит у люка? Немедленно прикажите им подняться на борт.

Носовой и кормовой трапы были давно уже убраны. Кто-то из офицеров позаботился быстренько убрать и центральный трап, отрезая путь вниз и тем, кто хотел бы в последний момент уйти. Бидворси, желая выполнить приказ, выскочил из люка. Пятеро, стоящие внизу, были дезертиры из первой группы увольнения. Шестой был Гаррисон со своим начищенным до блеска велосипедом.

— Немедленно на борт! — зарычал Бидворси.

— Ты это слышал? — сказал один из стоявших внизу, подталкивая другого. — Дуй обратно на борт. Если не можешь прыгнуть на тридцать футов вверх, то взмахни крылышками и леги.

— У меня приказ! — продолжал вопить Бидворси.

— Надо же, в таком возрасте, а еще позволяет кому-то собой командовать, — заметил бывший солдат его роты.

— Да, удивительно, — ответил другой, сокрушенно качая головой.

Бидворси царапал рукой гладкую стенку, пытаясь найти что-нибудь, чем можно было бы швырнуть в стоявших внизу людей.

— Не кипятись, Бидди! — крикнул его бывший солдат. — Я теперь ганд.

С этими словами он повернулся и пошел по дороге. Остальные четверо последовали за ним. Гаррисон поставил ногу на педаль велосипеда. Задняя шина осела с протяжным звуком. Побагровевший Бидворси наблюдал, как Гаррисон затягивал клапан и качал воздух ручным насосом. Завыла сирена, Бидворси отпрянул назад, и герметическая дверь люка закрылась. Гаррисон опять поставил ногу на педаль, но не двинулся с места, а стоял и наблюдал за кораблем. Металлическое чудовище задрожало, величественно взмыло вверх, превратилось в еле видимую точку и исчезло совсем.

На секунду Гаррисон почувствовал сожаление. Но оно очень быстро прошло. Он посмотрел на дорогу.

Пять самозванных гандов голосовали на шоссе. Первый же экипаж остановился, чтобы их подобрать, что было очевидным результатом отлета корабля. Быстро они сообщают.

«Твоя брюнетка», — написал ему Глид. И с чего он взял?

Может быть, она сказала что-нибудь такое, из чего можно было это предположить?

Он еще раз оглянулся на вмятину, оставленную кораблем. Здесь были две тысячи землян.

Потом тысяча восемьсот.

Потом тысяча шестьсот.

Потом еще на пять меньше.

«Остался один я», — подумал Гаррисон.

Пожав плечами, он заработал педалями и поехал по направлению к городу.

И не осталось никого.

Перевел с английского Юрий ЗАРАХОВИЧ

Моральное оружие

Отрицать просто, когда отрицанием движет пороховое чувство протеста и гнева. Ребенок, осердясь, колотит стул, о который ушибся. Этому действию есть историческая параллель.

В древности люди всячески ублажали богов, но когда обильные жертвы не помогали, статуи божков, случалось, лущевали нещадно. Подобное бывает и в наш просвещенный век. На одном японском заводе в особой комнатке установили резиновую фигуру хозяина; каждый рабочий мог зайти и отмутузить ее палкой...

Невооруженным глазом видно, что именно отрицает повесть Эрика Фрэнка Рассела. Объект отрицания принял галактические масштабы, но не утратил знакомые черты. Строго говоря, тут нет фантастики, тут реализм сегодняшнего дня, сатира тем более едкая, что за ней стоит неподдельное чувство автора, гражданина страны старейшей демократии. Все жизненно, правильно, нужно, вот только убойная сила критического залпа тратится на поражение уж слишком очевидных, поверхностных и избитых мишеней. Это подобно тому, как если бы телененавистник стал сокрушать телевизоры, не трогая, будто их нет вовсе, производящие заводы и студии. Эффектно, симптоматично, но для системы в общем безвредно.

Сложней, примечательней утопическая сторона повести. Отрицание без утверждения, что тень без света. Солдафонской системе подавления и бюрократии Рассел противопоставляет гандизм. Впрочем, это не совсем тот гандизм, который возник как идейное течение в колониальной Индии, скорей это его американизированный вариант. Подлинный гандизм заквашен на аскетизме, которого в утопическом обществе Рассела нет. И патриархальность, столь присущая гандизму, в повести особого рода — это чуть модернизированная, даже хиппизированная патриархальность фермерской Америки с ее малозаселенными некогда просторами, духом самостоятельности и предприимчивости, еще не стесненным ни монополиями, ни чиновничеством. Картина будущего, таким образом, оказывается идеализированной и слегка технизированной картиной прошлого Америки. Получается вроде бы так, что на базе капитализма возможен и ад галактической империи, и рай свободы, если отношения собственности скрестить с гандизмом.

Но это не совсем всерьез. Литература невозможна без убедительности изображаемого, и Рассел не выполнил бы своей художественной задачи, погрешив против этого правила в обрисовке общества космических гандийцев. Все же автор честно намекает на иллюзорность описываемой утопии, вкладывая в уста дубоватого посла империи кое-какие неглупые мысли об эфемерности ее экономического устройства. Крохотный намек: владеющий логикой да воспользуется ею!

Всерьез речь идет о другом. Сердцевину гандизма составляет убеждение, что условия общественной жизни определяются уровнем нравственного развития людей. Отсюда вывод о зависимости политики от нравственности, о том, что мерилом человечности той или иной политики должна быть не цель, а средство, которым эта цель достигается. Именно поэтому на первый план гандизм выдвинул моральное оружие, тезис о мощи которого и лег в основу повести.

С самого начала очевидная для марксистской мысли наивность отдельных положений гандизма доказана уже не в тео-

ретическом споре, а в ходе истории, в том числе истории самой Индии, столь наглядно, что тут просто не о чем говорить. Менее явно другое.

Сила кулака так очевидна, что порой она кажется единственной, с которой надо считаться. «Право на стороне больших батальонов!» — любил повторять Наполеон. С этой философией он сметал и королевства, но пришел час, и все его большие батальоны ничего не могли поделать с восставшими крестьянами Испании. Сила есть — побочку мораль... Полтора века спустя большие батальоны во всеоружии смертоносной техники XX столетия были обрушены на Вьетнам — и все повторилось с куда более оглушающей силой! Военному поражению предшествовало моральное, оно его предопределило и покачнуло Америку так, как еще не бывало в ее истории.

Это не частные случаи. Символом кровавой всеокрушающей силы стали полчища Атиллы и Чингисхана. Но — странное дело! — все их победы и завоевания оказались до призрачности нестойкими. В этом мало удивительного, если вдуматься. Грубой силе чуждо созидание, она неизбежно образует вокруг себя тлетворную пустыню, в которой сама же никнет. Такова логика насилия.

Моральная, нравственная правота и стойкость — могучее оружие борьбы. Это истина отнюдь не только гандизма, и яркое утверждение ее художественными средствами — достоинство повести Рассела. Только свобода, понятно, еще нигде и никогда не завоевывалась одним лишь пассивным сопротивлением. Сам Ганди отнюдь не был догматиком гандизма и в годы японской агрессии, которая грозила родине новым и большим гнетом, высказался за вооруженный отпор.

Мораль и сила, нравственность и политика, цель и средство. «...Цель, для которой требуются неправо́ые средства, не есть правая цель...» Задолго до Ганди это говорил Маркс.

Д. БИЛЕНКИН

